

— НОВАЯ ВЕРСИЯ —

Франсуа
Керсоди

УИНСТОН
Черчилль

Власть
воображения

Новая версия (Этерна)

Франсуа Керсоди

**Уинстон Черчилль:
Власть воображения**

«Этерна»

2000

Керсоди Ф.

Уинстон Черчилль: Власть воображения / Ф. Керсоди —
«Этерна», 2000 — (Новая версия (Этерна))

В книге известного современного французского исследователя Ф. Керсоди во всех подробностях прослежен жизненный путь У. Черчилля, оставившего неизгладимый след в мировой истории. На великолепной документальной основе (это меморандумы, деловая и личная переписка, мемуары и многое другое) автор создает запоминающийся образ одного из самых выдающихся политиков и государственных деятелей XX века и неординарного человека с присущими ему характерными чертами. Книга будет интересна широкому кругу читателей и особенно тем, кого не оставляют равнодушными судьбоносные повороты, происходящие в истории благодаря историческим личностям.

© Керсоди Ф., 2000

© Этерна, 2000

Содержание

Вступление	6
I. Капризы судьбы	7
II. Блестящий двоечник	13
III. Прощание в слезах	24
IV. Пером и шпагой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Франсуа Керсоди

Уинстон Черчилль. Власть воображения

François Kersaudy. Winston Churchill, le pouvoir de l'imagination

Научный редактор – канд. ист. наук, Е. А. Воронцова

© Tallandier, 2000

© М. В. Глаголев, перевод на русский язык, 2015

© Палимпсест, 2015

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2015

* * *

*Памяти Жоржа Лебо, бойца Сопротивления, человека дела и
широкой души*

Вступление

В июне 1950 г. американский еженедельный журнал «Тайм мэгэзин» назвал Уинстона Черчилля «человеком полувека»; в июне 2000 г. французский ежемесячник «История» посчитал «полу-» излишним и окрестил его «государственным деятелем века». Чем оправдать такую честь? Об этом позаботился сам генерал Шарль де Голль, описав Черчилля как «великого лидера великого дела и великого творца великой истории» и добавив к этому определению: «В этой великой драме он был самым великим». Однако уже со времени той великой драмы Уинстон Черчилль не переставал быть предметом яростных споров, в которых несколько потускнело сияние его образа, но не было задето величие. Во Франции его имя слишком часто связывали с бомбардировками Дрездена и расстрелом французских кораблей на рейде Мерс-эль-Кебир; в Великобритании журналисты любили подчеркивать его перегибы, и перечень его вымышленных преступлений зачастую был подлиннее речи Фиделя Кастро.

Столько туману напустили, что в нем нетрудно раствориться реальному человеку, а ведь он представляет исключительный интерес: была ли еще у кого-нибудь в том веке или в предшествующем столь невероятная судьба, как у Уинстона Спенсера Черчилля? Ее пытались воскресить в бесчисленных биографиях, но одни слишком коротки, чтобы их стоило читать, а другие слишком длинны, чтобы дочитать; одни обрушивают свирепую критику, другие напоминают жизнеописания святых; одни написаны столь давно, что их и не найти, другие же столь скучны, что их не стоит искать; одни существуют только на английском языке, другие переведены наспех; в одних герой погибает, не родившись, в других возрождается после смерти; и только старый роскошный «Уинстон Черчилль» Уильяма Манчестера¹ лишен всех этих недостатков, но, к сожалению, рассказ обрывается в 1940 г. – на четверть века раньше, чем хотелось бы.

Определенно, мы просто обязаны проследить жизненный путь этого самого изумительного «человека-оркестра» новейшей истории. Путешествие будет долгим, беспокойным, порой веселым, часто изнурительным и всегда ужасно опасным... Но, как и Уинстону Черчиллю, читателю уж точно не придется скучать; и, проживая шаг за шагом эту замечательную жизнь, он не преминет обогатить свою.

Ф. К.

---

¹ *Manchester, W. Winston Spencer Churchill, Visions of Glory. London: M. Joseph, 1984.*

I. Капризы судьбы

30 ноября 1874 г. во дворце Бленхейм, что в графстве Оксфордшир, появился на свет Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, сын Рэндолфа Черчилля и Дженни Черчилль, урожденной Джером. Счастливым отец поспешил написать теще: «Мальчик чудо как хорош, черно-волосый и очень крепкого здоровья, учитывая его рождение до срока». Это, как говорится, официальная версия: малыш, вероятнее всего, появился в положенный срок, только вот родители поженились лишь за семь месяцев до того, и требовалось сохранить приличия; «чудо как хорош» в отношении толстого карапуза со свинячьими глазками и с крупным носом-румпелем, несомненно, звучит слишком восторженно; что до черных волос, так это вообще игра воображения: маленький Уинстон был огненно-рыжим...

Единственное, в чем нет сомнений, так это в том, что у новорожденного были прославленные предки. По отцовской линии он происходил от Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, громившего войска Людовика IV под Бленхеймом, Мальплаке, Рамильи, Уденардом, да и вообще везде, где бы он их только не встретил. В награду королева Анна подарила полководцу роскошный замок в Вудстоке, в Оксфордшире, который назвали в честь его самой блистательной победы – Бленхейм. Удивительное здание этот замок Бленхейм, он вполне способен соперничать с Версалем: внушительные башни, три гектара крыш, триста комнат, парк в тысячу четыреста гектаров... После смерти герцога в 1722 г. его замок вместе с титулом достался старшей дочери Генриетте, затем сыну его второй дочери – Карлу Спенсеру. С той поры они переходили от одного Спенсера к другому, и имя Черчилль исчезло до 1817 г., когда пятый герцог Мальборо был удостоен королевским указом права называться Спенсер Черчилль, дабы увековечить память славного предка.

Нельзя сказать, чтобы этот 5-й герцог, беспечный эстет и заядлый игрок, добавил к фамильному имени какой-то особый блеск. Пришлось ждать середины XIX века и появления 7-го герцога, Джона Уинстона, человека глубоко религиозного и преданного Короне, чтобы герб Спенсеров Черчиллей ненадолго засверкал. Продолжателя у этого дела не нашлось, ибо его сын и наследник Джордж, маркиз Блэндфордский, скоро возобновил прервавшуюся было традицию праздности и разложения, столь дорогую для Спенсеров. Но у 7-го герцога был еще и младший сын, Рэндолф, на которого отец возлагал все свои надежды... хотя и непонятно почему, поскольку к своим двадцати трем годам лорд Рэндолф Спенсер Черчилль, краснобаи и умница, еще ничего в жизни не сделал. Так ли уж ничего? Да нет, кое-что успел: летом 1873-го в Коувсе, на острове Уайт, он повстречал на балу юную американку Дженни и спустя три дня попросил ее руки...

Дженни Джером или, вернее, Женни Жером, юная красавица, столь же романтическая, сколь и энергичная, была второй дочерью Клары и Леонарда Джером. Последний, выходец из древнего гугенотского рода, эмигрировавшего в Америку в начале XVIII века², был типичным представителем категории людей, про которых говорят «сделали себя сами»: финансист, медиамагнат, биржевой маклер, импресарио, держатель беговых лошадей, основатель жокейского клуба, филантроп, владелец парусников и яхтсмен – вот далеко не полный перечень этого знаменитого янки с чудным характером и сказочной энергией. Его супруга Клара, щедрая и предприимчивая, происходила из американской семьи, и среди ее предков были индейка из племени ирокезов и лейтенант из армии Джорджа Вашингтона. Она была честолюбива и строила смелые планы в отношении и своего мужа, лично себя и своих трех дочерей, с которыми она поселилась в Париже, столице Второй империи, рассчитывая выдать их замуж за францу-

---

² Родоначальник американской ветви Джеромов, французский эмигрант-гугенот Тимотэ Жером, прибыл в Америку в 1717 г.

зов из хороших семей. Она была уже близка к заветной цели, когда в 1870-м прусское вторжение разметало в прах все ее надежды, вынудив бежать с дочерьми в Англию. Так объясняется присутствие мадам Жером и ее дочерей на балу в Коувсе, данном в честь цесаревича (будущего Александра III) 12 августа 1873 г. Именно на этом балу, как мы помним, Дженни Джером встретила молодого человека с глазами навывкате и победительными усами, среднего телосложения, но с манерами соблазнителя – лорда Рэндолфа Спенсера Черчилля, за которого она вышла замуж 15 апреля 1874 г. Такова была цепочка династических, географических, политических, социологических, психологических, сентиментальных и физиологических случайностей, результатом которой стало появление семь месяцев спустя рыжеволосого толстячка в родовом гнезде герцогов Мальборо...

Пока новорожденный осваивается со своим впечатляющим окружением, мы можем поискать ответы на несколько вопросов, и прежде всего на меркантильный: в богатой ли семье родился Уинстон Леонард Спенсер Черчилль? Дворец не должен вводить в заблуждение: он, конечно, принадлежал его дедушке, 7-му герцогу Мальборо, но только вот отец его не был наследником³. Вообще-то ничего плохого в этом нет, даже наоборот: расходы на содержание, меблировку, усовершенствование и приращение величественного поместья уже разорили многих Мальборо, начиная с Джорджа Спенсера, 4-го герцога, обогатившего владение замечательной коллекцией картин и драгоценностей и роскошным парком с огромным прудом. Далее стоит упомянуть 5-го герцога, который успел добавить прекрасные апартаменты, павильоны, библиотеку из ценных книг, коллекцию музыкальных инструментов, ботанический сад, китайский сад, розарий, фонтаны, беседку, гроты, кольцевую дорогу и мост, прежде чем его схватили кредиторы. Конечно, дворец не был единственной виной бедственного финансового положения: уже с Карла Спенсера, внука знаменитого 1-го герцога, до Джорджа Блэндфорда, старшего сына 7-го герцога, страсть к азартным играм была наследственным пороком, поглотившим за полтора века крупнейшее состояние. Ничего удивительного, что в 1875 г. премьер-министр Бенджамин Дизраэли позволил себе написать королеве Виктории, что 7-й герцог Мальборо «недостаточно богат для герцога». Он мог бы добавить, что и оба его сына, Джордж и Рэндолф, жили весьма и весьма ниже уровня своего отца...

У английской аристократии XIX века вопрос нехватки наличности легко решался браком по расчету. Не этим ли путем пошел Рэндолф Спенсер Черчилль, женившись на дочери миллионера Джерома? По правде сказать... нет. Хотя, в отличие от Спенсеров, знаменитый предприниматель Леонард Джером действительно умел делать деньги, но спускал он их еще лучше. Сколотив приличное состояние в Нью-Йорке к 1850 г., он вскоре разорился благодаря своему образу жизни, филантропии и рискованным вложениям. Нимало не обескураженный неудачей, этот тертый калач накопил еще большее богатство, с которым так же быстро расстался в несколько лет после окончания Гражданской войны... Больших денег не осталось, но тем не менее он по-прежнему мог жить на широкую ногу, обеспечивать роскошную жизнь супруге и дочерям в ветреном Париже Второй империи и даже выделить подобающее приданое Дженни к ее свадьбе с Рэндолфом. Как и Спенсеры, Джеромы, по-видимому, также полагали, что «бедным быть само по себе уже грустно, а если уж еще и ограничивать себя, то...»⁴

Пока маленький Уинстон делал первые неуверенные шажки по бесконечным галереям дворца Бленхейм, его постоянно в изобилии окружали военные реликвии – оружие, латы,

³ Рэндолф не был наследником, но Уинстон не терял права стать наследником титула и родового поместья Мальборо в течение более 20 лет, пока у его двоюродного брата Санни, 9-го герцога Мальборо, не родился ребенок мужского пола. В 1895 г., после свадьбы молодого Мальборо, старая герцогиня – бабушка Санни и Уинстона Черчилля – наставляла невестку Консуэлу Вандербилт: «Вашим главным долгом является рождение ребенка. И это должен быть сын, ибо было бы невыносимо, если бы этот недоносок Уинстон унаследовал титул герцога». – *Прим. переводчика.*

⁴ Приданое Дженни составило 50 000 фунтов стерлингов, приносившие 2000 фунтов годового дохода. И капитал, и рента делились между молодоженами поровну. Отец Рэндолфа, герцог Мальборо, оплатил долги сына, подарил небольшой особняк в Лондоне и выделил еще 1100 фунтов годового дохода. – *Прим. переводчика.*

штандарты и батальные картины. Это были тень великого Мальборо и, побледнее, тени нескольких его потомков, таких как 3-й герцог Карл Спенсер, полковник королевской гвардии, командовавший в 1756-м неудачным рейдом на Рошфор, а после – несчастливой кампанией в Германии, в ходе которой он и нашел свою смерть. Возможно, наученные этим горьким опытом, его наследники впоследствии занимали в армии только почетные, но номинальные должности, предпочитая проводить время на скачках среди зрителей, чем в атаках среди участников, что, впрочем, не мешало им оставаться верными слугами Короны, страстно увлеченными политикой. 3-й герцог был назначен лордом Казначейства, затем, в 1755-м, лордом Личной Печати (этой же должности удостоится и его сын Джордж, 4-й герцог). Его преемник, 5-й герцог, уже известный нам своими экстравагантными тратами, был назначен... комиссаром Казначейства. В 1867-м отец Рэндолфа, 7-й герцог, Джон Уинстон был назначен председателем Совета в правительстве Дизраэли – пост, с которого он ушел даже больше чем просто с почетом. Спустя семь лет Дизраэли предложил ему должность лорда-лейтенанта (вице-короля) Ирландии, но головокружительные представительские расходы нужно было бы оплачивать из собственных средств, а 7-й герцог по известным нам причинам не входил в число богачей... Пришлось отказаться от этой чести.

Когда герцоги Мальборо не были заняты восстановлением замка Бленхейм, королевской службой, охотой на лис, бегством от кредиторов или погашением долгов отпрысков, они предавались традиционному занятию, а именно представляли свой округ в парламенте. Более ста лет добрые жители Вудстока избирали владельца замка или его сына с трогательной преданностью, и некоторые из избранных относились к своей роли очень серьезно. К ним принадлежал 7-й герцог, который провел пятнадцать лет в палате общин и снискал репутацию блестящего оратора – дар, который вскоре проявился как наследственный⁵. Тогда как его старший сын Джордж слишком погряз в наслаждениях, чтобы всерьез заниматься политикой, младший сын Рэндолф очень рано открыл в себе политическую жилку и определенный талант для ее проявления. В феврале 1874 г. он был триумфально избран в «фамильную вотчину» Вудстоке, и три месяца спустя абсолютно все, начиная с премьер-министра Дизраэли, единодушно сошлись во мнении, что первая речь в палате общин молодого депутата от консерваторов – и молодожена – Рэндолфа Спенсера Черчилля позволяет предсказать ему большое будущее в политике.

Пока Уинстон, красивый щекастый малыш с рыжими кудряшками, осваивался и знакомился с ближайшим окружением, он замечал, что в их новом лондонском доме на Чарлз-стрит сменилось много лиц и что его родители в нем редкие гости. И в самом деле, светская жизнь была главным смыслом существования Рэндолфа и его молодой супруги. Им было на кого равняться: герцоги Мальборо всегда славились показной роскошью приемов и чрезмерной широтой круга знакомств; с окончания колледжа и университета – непременно Итона и Оксфорда – вплоть до вступления в должности – часто почетные, пожалованные королем и премьер-министром, – герцоги Мальборо из Бленхейма все время оказывались в эпицентре светского вихря, где вращались старые лорды, местная знать, отпрыски хороших фамилий, депутаты, министры, финансисты, офицеры и дипломаты. Со времен вступления на трон королевы Анны до правления Георга III и королевы Виктории герцоги Мальборо всегда были *persona gratissima*⁶ при дворе, и монархи даже иногда сами были не прочь нанести визит в замок Бленхейм. Нетрудно понять, откуда возникла почти врожденная склонность лорда и леди Спенсер Черчилль к свет-

⁵ В России широко распространен миф, что дед Уинстона Черчилля погиб под Балаклавой в самоубийственной атаке знаменитой бригады легкой кавалерии, хотя 7-й герцог вообще не служил в армии и в годы Крымской войны 1853–1856 гг. вел баталии исключительно в парламенте, а прадед, 6-й герцог, тоже не отличался воинственностью и умер в своей постели. Тем не менее это заблуждение и сегодня эксплуатируется в рекламных статьях о крымских достопримечательностях, хотя оно основано на одном лишь факте посещения Черчиллем в 1945-м (и позже – его потомками) поля сражения, где сложил головы цвет английской армии. – Прим. переводчика.

⁶ Наиприятнейшая особа (итал.). – Прим. переводчика.

ским развлечениям... За океаном была та же картина, что и в королевстве: и в белые, и в черные полосы своей жизни Леонард Джером неизменно устраивал роскошные приемы, стоившие до 70 000 долларов (очень дорогих долларов того времени) за вечер; на них можно было встретить все сливки мира искусств, политики и финансов. А позже его дочь Дженни наслаждалась блеском приемов и балов, устраиваемых в Париже французским императором⁷.

Немедленно после рождения сына оба родителя вновь с радостью погрузились в пучину светской жизни. «Мы жили, – вспоминала Дженни, – в вихре радостей и горячке. Я побывала на множестве чудеснейших балов, длившихся до пяти часов утра». Их сын Уинстон сам признавал, что его родители «вели радостное существование на ногу чуть большего размера, чем позволяли их доходы. Располагая превосходной французской кухаркой, они давали приемы без конца. Сам принц Уэльский, с самого начала проявивший к ним большое почтение, несколько раз бывал у них на обедах». И это факт: Его Королевское Высочество Альберт Эдуард Саксен-Кобург-Готский, будущий Эдуард VII, создал для себя небольшой двор из кутил благородного происхождения – «круг дома Мальборо», столпами которого стали лорд Бересфорд, лорд Каррингтон, герцог Сазерленд, граф Эйлесфорд и, разумеется, сам лорд Рэндолф Черчилль собственной персоной. И чем же занимался этот придворный кружок? Приемы, балы, скачки, азартные игры и охота...

В свои первые годы Уинстон мог видеть только отблески этого светского глянца, скрывавшего неприглядные реалии. Злоупотребление алкоголем только одна из них, но далеко не самая безобидная. В Англии XVIII и XIX веков пьянство было не только лишь «бичом рабочего класса»; уже с учебы в колледже дети аристократов устраивали бесконечные попойки, и возраст только способствовал усердию на службе Бахусу, благо молодой крепкий организм еще не подводил своих хозяев. Этому пагубному пристрастию герцоги Мальборо заплатили тяжелую дань: от родного внука 1-го герцога, Уильяма, маркиза Блэндфордского, который ушел из жизни в двадцать три года, так и не протрезвев, до младшего сына 7-го герцога, Рэндолфа, в двадцать лет задержанного полицией за пьяный дебош, прошло ровно полтора столетия убийственных возлияний.

У светской жизни был и еще один вполне тривиальный, но не менее тяжелый по последствиям аспект – многочисленные внебрачные половые связи, которые язык не повернется назвать любовными похождениями, поскольку любовь играла в них мизерную роль. То, что юные аристократы участвовали в оргиях, приобщающих к половой жизни, считалось продолжением традиции, восходящей к X веку и даже ко временам римского владычества. То, что девушки из хороших фамилий, тщательно оберегаемые от порочных связей до замужества, бросались наперстывать упущенное время сразу после заключения брака (зачастую с мужьями, годящимися в отцы, с которыми смертельно скучали), воспринималось с пониманием. И то, что благородные лорды содержали любовниц, никого не скандализировало даже в строгую Викторианскую эпоху, благо пример подавали с самого верха: принц Уэльский был большим проказником, окруженным большим и даже чрезмерным количеством дам, сменявших друг друга в его постели, на что его супруга принцесса Александра взирала равнодушно. Была лишь одна уступка викторианским порядкам: за пределами круга посвященных все должно храниться в строжайшей тайне.

В высшем обществе бывшей заморской колонии царили те же нравы за ширмой благородного поведения и скромности. Отец Дженни магнат Леонард Джером являл собой наиболее яркий образец: чрезвычайно щедрый во всех отношениях, сильно увлекавшийся оперными певицами⁸, он содержал многочисленных любовниц и стал отцом нескольких незаконнорож-

⁷ Наполеоном III.

⁸ Он назвал свою дочь в честь Дженни Линд, «шведского соловья». Приписываемый ему роман с ней весьма спорен, так как певица отличалась высокоморальной личной жизнью, и нет никаких свидетельств о том, что они с Леонардом вообще были знакомы.

денных детей. Его супруга Клара обращала на его шалости внимания не больше, чем принцесса Александра. Она и сама была не монашкой, и ее парижский список любовников вполне сойдет за краткий справочник европейских знаменитостей. Стоит ли говорить, что такие спортивные увлечения были строжайше запрещены для ее дочери Дженни до замужества... А после? Ну а как иначе! Она последовала примеру своих родителей и... своего мужа.

Именно в ее муже проявились все неприятные последствия бурных сексуальных утех. Была ли той, что одарила лорда Рэндолфа Черчилля сифилисом за пару месяцев до свадьбы, светская львица, дама полусвета или проститутка из злочных трущоб, это только ему известно... и кое-кому еще. В те времена от венерических болезней лечить не умели, и все такие истории заканчивались очень плохо.

Тяжелые последствия имело и еще одно альковное приключение, на этот раз его старшего брата – очень образованного, очень одаренного и очень беспутного Джорджа, маркиза Блэндфордского. На шестом году брака с леди Альбертой, дочерью герцога Аберкорнского, Блэндфорд стал любовником прекрасной валлийки, жены графа Эйлесфорда, которого в тесном кругу звали Спортивным Джо. Все могло бы остаться обычным делом, вполне в духе времени, если бы Блэндфорд не совершил непростительной ошибки, позволив обманутому мужу узнать об этой интрижке. Ведь граф Эйлесфорд был одним из самых видных членов «круга дома Мальборо» и близким другом принца Уэльского, который поддержал его в намерении начать бракоразводный процесс против ветреной супруги. И вот тогда Рэндолф Черчилль решил вмешаться и помочь брату Джорджу, чье имя в случае судебного процесса оказалось бы запятнанным. Рэндолф обратился к принцессе Александре: не сумеет ли она уговорить своего августейшего супруга умерить сутяжнический пыл его старого приятеля Спортивного Джо? У Рэндолфа были весомые аргументы, а именно несколько пламенных писем к леди Эйлесфорд... от самого принца Уэльского! Да, наследник трона был любвеобильным ценителем женской красоты и тоже входил в число любовников леди Эйлесфорд. Однако предавать это огласке или даже намекать, что это может быть предано огласке, было очередным нарушением обязательства не выносить сор из дворца. Сама королева Виктория объявила, что шокирована таким поведением, ну а принц Уэльский написал Дизраэли, что лорд Блэндфорд и лорд Рэндолф Черчилль распускают на его счет «клеветнические слухи» и что «весьма жаль, что нет пустынного острова, на который можно было бы изгнать этих двух молодых джентльменов». Но для его высочества не было ничего невозможного, даже сотворить пустынный остров; он заявил, что отныне двери его дома закрыты для братьев и для любого, кто продолжит их принимать. Ни один придворный не посмел нарушить этот указ; для Рэндолфа и его молодой супруги, столь зависимых от светских развлечений, он был равносителен смертному приговору...

Несколько влиятельных людей попытались смягчить наказание, и первым был сам старый герцог Мальборо, лично отправившийся к принцу Уэльскому ходатайствовать за сына. Цели добилась его жена, обратившаяся к премьер-министру. Старый лис Дизраэли знал, что государыня ни за что не решится окончательно рассорить королевскую семью с герцогами Мальборо. В этом деле требовались воображение и дипломатическое чутье, которых Дизраэли было не занимать; и он нашел нужное решение для герцогини: «Моя дорогая леди, есть только один выход. Уговорите вашего супруга принять пост лорда-лейтенанта Ирландии и забрать Рэндолфа с собой. Это положит конец всей истории».

Как мы помним, герцог Мальборо за два года до того отклонил разорительную честь стать вице-королем Ирландии, но теперь эта должность становилась почетным выходом из тупиковой ситуации для его любимого сына, который стал бы в Дублине его личным секретарем и избежал бы таким образом смертельного остракизма, грозившего ему в Лондоне. Вот почему в середине декабря 1876 г. герцог и герцогиня Мальборо в сопровождении лорда и леди Черчилль с двухлетним ребенком по имени Уинстон сели на пакетбот «Коннот» и отбыли в направлении Ирландии. Пройдет много лет, прежде чем Уинстон Черчилль поймет всю сложную вза-

имосвязь событий, вызвавших этот отъезд; впрочем, на тот момент в любом случае никто им особенно не интересовался...

Никто, если не считать его няню. Рэндолф и Дженни Черчилль, несомненно, понимали, что светская жизнь не позволит им серьезно заниматься ребенком. Впрочем, сыну лорда бонна полагалась непременно, положение обязывало. Но судьбе было угодно, чтобы лорд и леди Черчилль наняли великолепную женщину, что многое поменяло. Ее звали миссис Эверест, и следует признать, что это имя превосходно соответствовало стоявшей перед ней задаче...

II. Блестящий двоечник

Новому вице-королю и его свите устроили в Дублине роскошный прием. Уже несколько десятилетий Ирландию будоражило движение за автономию, которое политически проявлялось в Лондоне в парламентских дебатах, а фактически осуществлялось на месте через террористические акции фениев⁹. Все эти события разворачивались на фоне катастрофического экономического упадка: после великого голода 1840-х, унесшего половину населения страны на глазах у оставшихся равнодушными англичан, привычной долей ирландцев были нищета и эмиграция. Первая аграрная реформа была принята еще в 1870-м, но по ее положениям большая часть угодий по-прежнему оставалась в руках богатых английских землевладельцев, которые управляли ими издалека. Политическое движение подпитывалось, таким образом, протестами против экономического и социального неравенства, усиленными трехсотлетней религиозной враждой ирландцев-католиков и колонистов-протестантов.

В сложной обстановке новый вице-король, герцог Мальборо, добился заметных успехов: политическая напряженность ослабла, а экономическая ситуация немного улучшилась. В 1878 г. в Ирландии снова начался голод, поскольку непрерывавшиеся дожди уничтожили урожай картофеля, от которого главным образом зависело выживание страны. Герцогиня Мальборо лично занялась этой проблемой и запустила кампанию по сбору средств в пользу голодающих Ирландии. При поддержке английской прессы ее «фонды спасения» смогли собрать 135 000 фунтов – колоссальную по тем временам сумму. На эти деньги закупили продовольствие, одежду, топливо и семена. Королева Виктория была столь впечатлена, что направила герцогине письмо с поздравлениями...

В Ирландии Рэндолф Черчилль был занят больше, чем когда-либо прежде в Англии. Разместившись с семьей в Малом дворце¹⁰ в непосредственной близости от внушительной резиденции вице-короля, он принимал там представителей практически всех ирландских политических партий и внимательно выслушивал каждого. Как секретарь «фондов спасения» своей матери, как личный секретарь своего отца и как член парламентской комиссии по изучению вопросов системы школьного образования Рэндолф исколесил Ирландию из конца в конец и составил довольно точное представление об экономических и социальных реалиях страны.

Для молодого депутата, который никогда не скрывал своих политических амбиций, Ирландия была прекрасным трамплином. Находясь проездом в родном округе Вудсток, он выступил с речью столь же яростной, сколь и яркой, напугав почтенных членов правительства консерваторов: «В Ирландии назрели важные и срочные проблемы, на которые правительство не обращало внимания, не расположено обращать внимания и, возможно, даже не имеет намерения когда-либо обратить внимание. Пока эти проблемы будут оставаться незамеченными, правительство продолжит наталкиваться на стену сопротивления ирландцев». Резонанс, вызванный этой речью в Лондоне, вынудил его отца, вице-короля, написать министру по делам Ирландии, что его сын озвучил лишь свою личную позицию. Он также добавил: «Единственное оправдание, которое я могу найти для Рэндолфа, это то, что он помешался или просто-напросто находился под парами местного шампанского или бордо».

Естественно, ирландское шампанское и бордо здесь были ни при чем, хотя Рэндолф ими не пренебрегал: «Я не переставал пить, – признавался он, – сначала умеренно, а потом уже безо всякой осторожности». Впрочем, в Ирландии он находил для себя и другие радости: регаты,

---

⁹ Фениев – члены тайных организаций «Ирландского революционного братства» (ИРБ), основанного в 1858 г. и боровшегося за независимость Ирландии. Действовали в самой Ирландии, в Великобритании, а также в США, Канаде, странах Южной Америки (среди ирландских эмигрантов). – *Прим. переводчика.*

¹⁰ *La Petite Residence*, дословно – «малая резиденция». – *Прим. переводчика.*

охота или ловля лосося. Неудивительно, что первыми воспоминаниями маленького Уинстона стали постоянные отлучки отца и конечно же матери: «Отец и она постоянно скакали на своих огромных конях, и порой все ужасно волновались, когда то один, то другая запаздывали с возвращением на несколько часов». «То один, то другая...» Уже очень рано Уинстон стал замечать, что родители редко возвращались вместе. Отсутствие матери ребенок переживает еще сильнее, чем отсутствие отца. Одним из его первых категорических требований было: «Я не хочу, чтобы мама уезжала. Если она уедет, я побегу за поездом и запрыгну в него!» Но мама уезжала часто и очень мало заботилась о маленьком Уинстоне...

Все дело в том, что красавица Дженни очень быстро открыла для себя, что проводить время в Дублине можно не хуже, чем в Лондоне или Париже, – бесконечные приемы, балы, спектакли, скачки, да еще и охота на лис, на которой можно было наслаждаться чудесными ирландскими пейзажами и расширять круг знакомств. Ее часто видят в обществе красивого молодого офицера – подполковника Джона Стренджа Джослина, владевшего обширными угодьями в окрестностях Дублина, и когда в феврале 1880 г. у Дженни родился второй сын, она назовет его Джоном Стренджем. Конечно же, почему не попробовать увидеть в этом совпадение... довольно причудливое, но очевидно, что леди Черчилль могла принять на свой счет слова знаменитой современницы: «Мой муж меня столько обманывал, что я даже не знаю, от него ли мой сын». Добавим также, что вторым сыном Дженни занималась не больше, чем первым, ибо, как объяснит Робер Родс Джеймс: «За яркой красотой и живостью скрывались глубокий эгоизм и легкомыслие».

Но старший сын никогда не судил ее за это строго: «Моя мать сверкала, как вечерняя звезда. Я ее нежно любил, но издалека». В действительности маленький Уинстон не был одинок: в Малом дворце в Феникс-парке сына лорда и леди Черчилль окружала армия слуг, и первой была няня – очень преданная и очень грузная миссис Эверест по прозвищу Вум: «Миссис Эверест была моей наперсницей, я изливал ей все мои горести». И точно, горестей хватало: с одной стороны, у мальчика были слабые легкие, в условиях влажного климата Ирландии он был часто прикован к кровати гриппами и бронхитами; с другой – это был крайне непоседливый ребенок, вечно набивающий себе шишки и рискующий свернуть себе шею; наконец, по собственному признанию, он был «трудным ребенком», чьи капризы, упрямство и вспыльчивость часто отталкивали от него окружающих, и в первую очередь собственных родителей, которые никогда не задумывались, что их подчеркнутое безразличие в определенной степени способствовало такому положению дел...

И только няне удавалось, не без труда, ладить с Уинстоном. Каждое утро она водила его на прогулку в Феникс-парк, когда Черчилли жили в Ирландии, а после их возвращения в Лондон в 1880-м – в Гайд-парк, музей Тюссо и на пантомимы. В детской она тайно присматривала за Уинстоном, пока он играл с неисчерпаемым запасом оловянных солдатиков, с которыми соседствовали другие сокровища. И именно миссис Эверест сумела привить ему азы чтения: «Она принесла мне книгу с названием “Чтение без слез”, которое в моем случае себя не оправдало. Это была ежедневная каторга, и все это мне казалось очень утомительным и нудным».

Но такие занятия оказались цветочками. В 1881 г., когда Уинстону исполнилось семь лет, родители решили отдать его в школу, остановив выбор на интернате Святого Джорджа в Эскоте – очень модной в те времена частной школе, очень дорогой и очень строгой. В интернате их сына должны были подготовить к поступлению в колледж Итон. Для ребенка это стало тяжелым ударом: «В конце концов, мне было всего семь, и я был так счастлив в моей детской среди моих игрушек. А теперь ничего, кроме уроков, семь или восемь часов в день, а потом футбол или крикет». Многие дети пережили подобное, но очень немногие были столь же упрямы, как Уинстон Спенсер Черчилль. Школьные годы стали затяжной войной...

Начнем с того, что между интересами ребенка и предметами, считавшимися фундаментальными в системе школьного образования того времени, существовал явный разрыв. Основу

программы составляли математика, греческий и латинский языки, к которым Уинстон испытывал полное отвращение, несомненно, потому, что никто не посчитал нужным объяснить их полезность: «Когда ни мой разум, ни мое воображение, ни мой интерес не были задействованы, я не желал и не мог учиться». Так что результаты по этим предметам были плачевны, и, кроме того, отстающий ученик быстро обнаружил аллергию на экзамены: при проверках знаний его охватывал паралич, он чувствовал себя физически больным. Наконец, возник вопрос дисциплины, вернее недисциплинированности, в области которой он как раз достиг заоблачных высот: в школе Сент-Джордж его оценки по поведению дошли от «очень рассеянного» до «невыносимого». Демонстрируя смелость в нарушении порядка и дисциплины, несносный мальчишка участвует во всех драках, краже сахара из буфетной и разрывает в клочки соломенную шляпу директора. Вызовы авторитету руководства обычно вознаграждались ударами хлыста, которые щедрой рукой и не без садистского удовольствия раздавал директор школы преподобный Х. У. Снейд-Киннерсли. Следы ли этих экзекуций открыли глаза лорду и леди Черчилль? Но так или иначе летом 1884 г. они забрали сына из школы Сент-Джордж и перевели его в маленький интернат в Брайтоне. Предполагалось, что тамошний воздух будет здоровее для слабых бронхов мальчика, да и преподавал в этой школе знающий врач и добрый друг семьи доктор Робсон Руз.

Морской воздух Брайтона действительно оказался целебным, а пансион сестер Томсон – определенно более человечным, чем школа Сент-Джордж, но юный Уинстон и там показал себя все тем же хулиганом: по итогам первого триместра он был 29-м из 32 учеников по поведению, а в следующем и во все остальные, сколько их было, – самым последним в классе! И хотя его отметки несколько улучшились, в дневнике находим красноречивую запись: «Оценки настоящего бюллетеня практически не имеют значения, ибо частые отсутствия в классе сделали крайне затруднительным какое-либо соперничество с другими учениками». Действительно, Уинстон находил себе массу других занятий: коллекционировал марки, регулярно ездил верхом, возился с бабочками и красными аквариумными рыбками, увлекался пантомимой и театром и даже сам играл во многих пьесах, несмотря на легкое заикание и сильную шепелявость. Для своего возраста он много читал, писал лучше своих товарищей, но это обстоятельство не умаляло отчаяния его преподавателей. Вот отрывок из письма к матери, который позволяет легко понять его настроения: «Пока мне нечем заняться [во время каникул], я не прочь немного поработать, но когда я чувствую, что меня заставляют, это уже против моих принципов». У преподавателя танцев, как и у других педагогов, о Черчилле остались немеркнущие воспоминания: «Это был маленький рыжеволосый ученик, самый гадкий в классе. Я даже думал, что это был самый гадкий ребенок в мире». Вот какой могла бы стать его эпитафия, поскольку в марте 1886 г. Уинстон заработал себе воспаление обоих легких, что вызвало опасение летального исхода, но хороший врач Руз был начеку и спас мальчика в последний момент, *in extremis*...

Весной 1888-го Уинстон должен был поступить в колледж. Как всем Спенсерам Черчиллям, ему полагалось отправиться в Итон, но этому воспротивился доктор Руз: сырость туманных берегов Темзы была противопоказана мальчику со слабыми легкими, так что в итоге выбрали Хэрроу, недалеко от Лондона. Однако предстояло еще пройти вступительные экзамены, а молодой человек экзаменов не выносил, тем более что проверялись знания всего лишь трех предметов – ненавистных математики, греческого и латыни! На экзамене по латинскому языку он сдал чистый лист, по остальным предметам ответы были немногим лучше. При выходе с экзаменов Уинстона стошнило. Полный провал... Но его приняли! Уинстон просто-душно заключил, что директор колледжа за видимой оболочкой полного невежества сумел угадать в нем скрытые способности. Трогательная наивность! Его преподавание Уэллдон, директор Хэрроу, всего лишь посчитал неудобным отказать в приеме сыну лорда Рэндолфа Черчилля...

Но и у снисхождения есть границы. Уинстона поместили в 3-е (и последнее) отделение 4-го и (последнего) класса. Он сразу же проявил себя достойным этого назначения: его латынь была нулевой, знания греческого ограничивались алфавитом, французский оставался тарабарским, а о математике и говорить нечего; кроме того, он открыто и подчеркнуто презирал крикет и футбол, бывшие в Хэрроу священными видами спорта. Поведение также ничуть не улучшилось, и, как сообщал его преподаватель Генри Дэвидсон в письме к леди Черчилль от 12 июля 1888 г.: «Уинстон постоянно опаздывает на занятия, теряет книги, бумаги и различные иные предметы. Он настолько аккуратен в своей неаккуратности, что я действительно не знаю, что делать». Только вежливость и дипломатичность помешали господину Дэвидсону добавить, что юный Уинстон – грубиян, наглец и задира, нарушающий все правила колледжа. Зато новоиспеченный студент очень серьезно относился к своему альбому с почтовыми марками, своим двум собакам и к выращиванию шелковичных червей; он увлекался также столярным делом, фехтованием, стрельбой из ружья, верховой ездой, скачками и курил как паровоз. Бабушка Уинстона по материнской линии Клара Джером, навестив внука в колледже, описала его как «маленького злого бульдога с рыжими волосами».

Не было никого, кто бы с ней не согласился, так как только очень опытный глаз мог разглядеть в этом ужасном шалопае кого-то еще, кроме обыкновенного двоечника. Но просто внимательный глаз уже мог бы увидеть в нем глубоко несчастного ребенка... Откровенно говоря, у Уинстона были все основания быть несчастным: с одной стороны, как и в Эскоте и Брайтоне, его здоровье оставляло желать лучшего – с вечными бронхитами, болезнью печени, приступами невыносимой зубной боли (многие зубы пришлось вырвать), мигренями, болями в глазах, приступами депрессии, грыжей в паху, к чему следует добавить раны и шишки, сопровождающие всякого драчуна, ушибы от падений с лошади и сотрясение мозга при неудачном приземлении с велосипеда. Помимо прочего, наследник Черчиллей во всех смыслах, Уинстон постоянно страдал от нехватки денег; мать, сама великий эксперт в этой области, ругала его в письмах: «Ты просто дырявое решето», что абсолютно бесспорно. Правда и то, что он завел себе дорогостоящие хобби, что отвратительное питание в английских *public schools* стало притчей во языцех и нужно было тратить на нормальную еду, что джентльмену полагалось раздавать многочисленным чаевые, что услуги дантиста и окулиста стоили баснословно дорого и что сигареты и выпивка также достаются не бесплатно... Как бы там ни было, но юноша находился в вечном поиске денег, клянча их у матери, у отца и даже у своей няни...

Однако была и еще одна причина, которая, несомненно, объясняет все остальное: как и в Эскоте и Брайтоне, Уинстон не перестает упрашивать родителей приехать его повидать. Многие годы он пишет им трогательные письма, заранее планирует их приезды, готовит пантомимы, концерты, номера с фокусами, выставки рисунков, играет в театральные постановки и участвует в спортивных состязаниях – все в надежде заинтересовать их, и почти всегда тщетно. За два года учебы в Эскоте мать навещала его дважды, что намного чаще, чем отец. За четыре года в Брайтоне она приезжала четыре раза, а отец – всего один, и хотя дважды проезжал через Брайтон в ходе предвыборных кампаний, но так и не нашел времени повидать сына... В Хэрроу, который был от Лондона всего в полчаса езды на поезде, мать виделась с ним шесть раз за четыре с половиной года, а отец приехал один-единственный раз – по срочному вызову директора колледжа! Случалось также, что мать обещала его навестить, а потом меняла свои планы, не предупредив, и Уинстон дни напролет напрасно ждал ее приезда... Когда он возвращался домой на каникулы, то чаще всего ему сообщали, что батюшка изволили-с уехать за границу или колесят-с по стране в ходе избирательной кампании, а матушка гостит у друзей, и хорошо еще, если те не оказывались где-нибудь в Дублине или Париже. Утешить его могли только вернейшая из верных миссис Эверест и младший брат Джек¹¹, который также отнюдь не был

¹¹ На самом деле – Джон, но в кругу домашних его звали Джек.

избалован родительской лаской. Последнее обстоятельство хотя бы избавило Уинстона от мук ревности. Мысль о том, что подобное катастрофическое пренебрежение могло тем или иным образом сказаться на психологическом развитии или успеваемости их сына, по всей видимости, никогда не посещала лорда и леди Черчилль. Не от их ли безразличия возник *«black dog»* – периоды черной меланхолии и депрессии, от которых Уинстон страдал всю свою жизнь? И хотя такое отношение было практически семейной традицией Спенсеров Черчиллей, легче от сознания преемственности поколений не становилось.

Вернувшись из Ирландии, лорд Рэндолф с головой ушел в бурлящий водоворот политики. Парадоксально, но именно поражение консерваторов на выборах и возвращение в правительство Гладстона в 1880 г. выдвинули Рэндолфа Черчилля на передний план. Пока его партия оставалась у власти, этого кипучего молодого человека держали на расстоянии, особенно после рокового дела Эйлесфорда. Но как только партия консерваторов была изгнана из правительства и Дизраэли покинул палату лордов, острослов и эрудит Рэндолф, отличавшийся к тому же феноменальной памятью, занял скамью оппозиции и бесспорно проявил талант. Его поддерживали всего лишь три настоящих соратника: дипломат Генри Драммонд Вольф, адвокат Джон Горст и молодой Артур Бальфур, племянник лорда Солсбери. Эту великолепную четверку с некоторой долей преувеличения окрестят «четвертой партией»¹². Но как подметил А. Л. Роуз: «Если их и было всего четверо, то шуму они делали за все сорок, а времени занимали, как сто сорок...»

Самым красноречивым, самым энергичным и гибким до оппортунизма был, без сомнения, Рэндолф Спенсер Черчилль. Он прежде других сообразил, что стоявшей на грани распада партии консерваторов следует пойти в народ, обратиться к массе городских буржуа, которым только что предоставили право голоса, и даже к фермерам, которым это право также не замедлят даровать. «Старая гвардия» его партии напрасно высмеивала эту «демократию в стиле тори» и лозунг, придуманный самим инициатором кампании: «Доверься народу, и народ доверится тебе»; последующие события (и избиратели) подтвердили правоту лорда Рэндолфа.

Его блестящие и саркастичные речи в парламенте, его триумфальные предвыборные турне, поддержанные «Лигой первоцвета»¹³ (душой которой были его мать и жена), его постоянные призывы к реформам и демократизации, его яростная критика экономической, социальной, внешней и ирландской политики либералов и выпады против замшелых пеньков из собственной партии сделали его к 1884 г. одним из самых популярных политиков в королевстве.

Когда в 1885 г. консерваторы формировали временное правительство под председательством лорда Солсбери, оказалось уже невозможно держать Рэндолфа Черчилля вне игры, и его назначили государственным секретарем по делам Индии. В следующем году, после победы консерваторов на выборах, которой они в значительной степени были обязаны популярности и гибкости Рэндолфа Черчилля, лорд Солсбери не мог не отдать тому одно из главных министерств. Лорд Рэндолф стал министром финансов и лидером палаты общин. Ему исполнилось всего тридцать шесть лет, и это был апогей его карьеры. В Брайтоне один двенадцатилетний мальчик был преисполнен радости; он несколько месяцев боролся за победу консерваторов, подталкивая соучеников примкнуть к «Лиге первоцвета» и увещевая всех взрослых от преподавателей до инструктора по плаванию голосовать за «человека с подкрученными усами» – своего отца, которого он так сильно любил и так мало знал...

Увы! За вершиной скрывается пропасть. За время своего неудержимого восхождения лорд Рэндолф Черчилль нажил немало врагов как среди либералов, так и среди консерваторов,

¹² После либералов, консерваторов и ирландских националистов.

¹³ «Лига первоцвета» – крайне консервативный клуб, созданный в 1883 г. Рэндолф Спенсер Черчилль стал одним из его основателей. В то же время его жена и мать открыли дамский политический салон с тем же названием и теми же взглядами. В тексте обе «лиги» рассматриваются как единое целое. – Прим. переводчика.

и жертвы его красноречия и лавирования терпеливо ждали часа возмездия. Впрочем, злейшим врагом лорда Рэндолфа был он сам – резкий, высокомерный, мстительный, импульсивный, безрассудный, впадающий то в восторженность, то в уныние, чрезмерно самоуверенный и считающий себя незаменимым. Кроме того, лорд Рэндолф заражен сифилисом, болезнь прогрессирует, и ее проявления все труднее скрывать. В 1881 г. у него случился первый приступ паралича, не оставивший внешних следов, но, несомненно, повлиявший на психику, уже ослабленную крайним нервным напряжением и чрезмерным употреблением спиртного.

Все это позволяет объяснить необъяснимое: 20 декабря 1886 г. лорд Рэндолф Черчилль, превосходный лидер палаты общин, уважаемый руководитель Министерства финансов, которого королева Виктория буквально на днях назвала «истинным государственным мужем», направляет лорду Солсбери прошение об отставке! Он намеревался таким образом вынудить премьер-министра, отклонившего его программу сокращения налогов и расходов на армию, пересмотреть свое решение. Но демарш был сделан столь поспешно, без малейшего согласования с коллегами по кабинету министров или политическими сторонниками, что дерзкий замысел с треском провалился: устав от настырного министра, беспрестанно вмешивавшегося в чужие дела и домогавшегося верховенства среди коллег, Солсбери принял отставку и подыскал замену. Карьера Рэндолфа была разрушена одним ударом. Низвергнутый к положению простого депутата, оставленный большинством своих политических друзей, он лишь эпизодически выступает в парламенте, больше времени проводит на бегах и подолгу живет за границей. И все это время за ним издалека следит его главный обожатель – маленький несносный и драчливый двоечник. Его сын. Мальчик никогда не видел отца, когда тот был знаменит; теперь, когда лорд Рэндолф покинул политическую авансцену, он его не увидит тем более.

Что до отлучек леди Черчилль, то они, разумеется, объяснялись постоянной поддержкой, которую она оказывала супругу во всех избирательных кампаниях. Но объяснялись только отчасти. В действительности, как и до того в Париже, Коувсе, Лондоне или Дублине, ветреная Дженни проводила большую часть времени на балах, на охоте, за игрой и на светских обедах. Следует признать, что у нее также было много любовников, обычно (но не всегда) высокопоставленных – дипломатов, офицеров, политиков, артистов и рантье самых разных национальностей: австрийцев, англичан, французов, американцев, немцев и итальянцев. Надо ли говорить, что она тоже была любовницей принца Уэльского? Это было просто неизбежно, учитывая склонность к женскому полу Его Королевского Высочества, привлекательность леди Черчилль и любвеобильность, отличавшую их обоих... Возмущали ли юного Уинстона интрижки матери? Абсолютно нет, и он был совершенно прав, поскольку все эти связи ему очень пригодились впоследствии. Но на тот момент мать, сверкавшая всегда в его глазах, как «вечерняя звезда», походила скорее на метеор.

Поглощенные своими делами родители не имели времени узнать получше собственного сына, которого все преподаватели единодушно описывали им как неуправляемого и неисправимого невежу, и сформировали свое суждение о нем по поверхностным оценкам педагогов. Но мы-то с вами никуда не торопимся, поэтому познакомимся с мальчиком за них. И вот первый сюрприз: горе-ученик читает гораздо больше своих товарищей; в девять лет проглатывает «Остров сокровищ», в одиннадцать его не оторвать от записок путешественников, публикуемых в газетах, в двенадцать он зачитывается приключенческими романами Генри Райдера Хаггарда, а на свой тринадцатый день рождения просит подарить ему «Историю американской гражданской войны» генерала Улисса Симпсона Гранта! В четырнадцать лет он открывает для себя «Историю Англии» Томаса Бабингтона Маколея, затем перейдет к книгам Уильяма Мейкписа Теккерея, Уильяма Уордсуорта и прочим столпам библиотеки колледжа. Все эти произведения, как правило, не были включены в школьную программу, но когда уже в Хэрроу преподаватель проводил семинар о Ватерлоо, он никак не ожидал, что рыжий балбес раскритикует его доклад, приводя цитаты из источников, с которыми не был знаком сам лектор! К тому

же Уинстон очень рано заметил, что унаследовал от отца отличную память, и он уже в Брайтоне использовал свой дар, играя в бесчисленных театральных постановках по произведениям классических авторов от Аристофана до Шекспира и Мольера. Но его родители не снизошли почтить своим присутствием эти представления, и он отказался от театра, хотя на всю жизнь сохранил блестящие актерские способности. Ну а своей памяти он находил и иное применение: в тринадцать лет двоечник из Хэрроу удостоился почетного приза за прочтение наизусть тысячи двухсот стихов из сборника «Песни Древнего Рима» Маколея без единой ошибки! В дневнике этого отстающего ученика не указали, что он поправлял своих преподавателей, когда те ошибались, цитируя английских поэтов. Феноменальная память Уинстона Спенсера Черчилля никогда не переставала поражать его современников.

Нашелся и еще один талант, причем почти что случайно: в течение первых трех триместров в Хэрроу юный Уинстон прозябал в самом низшем классе среди самых неспособных учеников, но этих тупиц следовало чем-то занять, пока гордость колледжа углубляла знания греческого и латыни, поэтому двоечников препоручили преподавателю английского языка (родной речи) мистеру Сомервеллу. Как вспоминал Уинстон: «Его задачей было преподавать самым глупым ученикам самый несущественный предмет – как писать по-английски, всего-то. И он знал, как за это взяться, он учил так, как никто и никогда. Именно на этих занятиях я усвоил строение английской фразы, а это дело благое». Навык оказался крайне полезным: Уинстон быстро сообразил, что его просьбы к родителям прислать денег чаще достигали цели, если были написаны на безупречном английском. В них теперь можно было найти выражения вроде «да не откажет господин Казначей в милостивом предоставлении субсидий» или «по здравом размышлении ассигнования надлежит сохранить за бенефициаром». Впрочем, английскому языку находилось и иное применение: так, Уинстон заключил взаимовыгодное соглашение с учеником выпускного класса, постигнувшего все премудрости латыни, но не умевшего писать сочинения на родном языке; теперь один диктовал другому сочинения на английском, а тот переводил на латинский фразы из заданных упражнений. Наконец, Уинстон опробовал перо журналиста, направив несколько заметок в школьную газету «Хэрровиан» под псевдонимами *Junius Junior* («юный Юний») и *De Profundis* («из глубины души»). Стил – классический, тон – полемический, юмор – язвительный, все в точности как в выступлениях лорда Рэндолфа Черчилля перед палатой общин, что не случайно. Естественно, Уинстон с гордостью отправляет опубликованные заметки своему отцу, и лорд Рэндолф иногда снисходит до того, чтобы их прочитать...

На самом деле Уинстона никогда не переставляли восхищать и манить две вещи, причем обе считались в Хэрроу самыми что ни на есть презренными. Первая – политика. Во все времена она занимала в семье даже слишком большое место. С детских лет, проведенных Уинстоном в замке Бленхейм, она была главной темой разговоров, что вели за столом старого герцога Мальборо, его дедушки. Приверженность к семейной политической традиции и партии консерваторов была такова, то Уинстон написал в «Мемуарах»: «В 1880-м [ему тогда не было и шести] нас всех отстранил от власти Гладстон». Маленький Уинстон восхищается Дизраэли, всей душой ненавидит Гладстона и с десяти лет жадно читает газеты, чтобы быть в курсе всех перипетий политической борьбы. Само собой разумеется, он очень внимательно следит за восхождением своего отца, заполняет целые альбомы посвященными ему газетными вырезками и карикатурами, а письма к матери часто заканчиваются фразами вроде: «Надеюсь, что консерваторы возьмут верх. Что вы думаете по этому поводу?» и еще: «Я счастлив узнать, что папу избрали в Паддингтоне с таким большим отрывом». Зная, что отец живет одной лишь политикой, одиннадцатилетний мальчишка пишет ему: «Надеюсь, что ваша речь в Брэдфорде будет иметь не меньший успех, чем ваше выступление в Дартфорде». Он знает наизусть все речи отца, и дело здесь не только в феноменальной памяти, но и в искренней страстной привязанности; достаточно вспомнить его бурные кампании в поддержку «Лиги первоцвета» во

время выборов 1886 г. Возвращаясь из Хэрроу на каникулы, Уинстон нередко встречается политических друзей своего отца, таких как Джон Горт или сэр Генри Драммонд Вольф, и с обожанием слушает их рассказы о последних парламентских баталиях. Кроме того, Эдуард Марджорибанкс, его дядя¹⁴, был не кем иным, как «главным врагом» – вождем либеральной фракции в парламенте и доходчиво объяснял юноше политические взгляды противоборствующей партии. Наконец, стоит упомянуть о любовниках матери, благодаря которым Уинстон мог воочию и из первых рядов наблюдать многие значимые события своего времени: принц Уэльский приглашает его на королевскую яхту, когда в 1887 г. на ней празднуют юбилей королевы Виктории; четыре года спустя граф Кински, любимец матери (самый любимый из любовников), берет его с собой в «Кристал-Палас» встречать кайзера Вильгельма II, прибывшего с визитом. В следующем году он мог встретить за отцовским обеденным столом многих самых выдающихся политических и государственных деятелей: Бальфура, Чемберлена, лорда Розбери, Герберта Эскита или Джона Морли. Он отправится в палату общин, где будут вестись яростные дебаты, чтобы прежде всего послушать отца, но также и Остена Чемберлена и даже своего старого недруга Гладстона, «большого белого орла, свирепого и в то же время великолепного», который, к большому удивлению, вызовет у него восхищение. Будут и другие неожиданности, как, например, когда депутат от либералов спустя всего несколько минут после крепчайшей перебранки с его отцом представится Уинстону и очень любезно поинтересуется, что юноша думает об этих дебатах... Как видим, Уинстон Черчилль еще до совершеннолетия неплохо и очень предметно узнал английскую политическую жизнь. У него родилось тайное желание в свою очередь войти в парламент, чтобы сражаться плечом к плечу с отцом, как Остен Чемберлен и Герберт Гладстон, и вот тогда Рэндолф Черчилль, наконец, сможет поверить в сына, сделать его своим помощником, союзником и, возможно, когда-нибудь даже другом... «Мне казалось, – напишет впоследствии Уинстон, – что вот он – ключ ко всему, или почти ко всему, ради чего стоило бы жить...» В апреле 1891 г. Рэндолф уехал в длительную поездку по Южной Африке. Он рассчитывал поправить здоровье, а также поохотиться и вложить деньги в шахты. «Дейли джиогрэфик» выплатила ему солидную сумму под обещание написать подробные отчеты о своих дорожных впечатлениях, которые впоследствии были опубликованы как серия очерков в нескольких номерах газеты. Вернувшись в Лондон в январе 1892 г., он снова с головой ушел в бурлящий политический водоворот. Сын радовался его успехам: «Полагали, что он быстро вернет себе позиции в парламенте и своей партии, утраченные в результате отставки шесть лет назад. Не было человека, кто разделял бы эти надежды более пылко, чем я».

Но у нашего школяра была и вторая страсть, проявившаяся еще раньше любви к политике, – оружие и армия. С ними связано одно из самых первых воспоминаний детства, восходящее к 1878 г. Это было в Ирландии, во время открытия его дедом, вице-королем, статуи лорда Гуга: «Я помню большую темную толпу, всадников в красивой униформе, канаты, натягивавшие коричневое с искрой полотно, и старого герцога, моего великолепного деда, обращавшегося к толпе громким, командным голосом. Я даже запомнил одну фразу: “...и залпом всесокрушающего огня он скосил вражеские ряды”. Я отлично понимал, что он говорил о войне и сражениях и что “залп” – это когда солдаты в черных шинелях с грохотом стреляли в Феникс-парке, где я их часто видел, когда няня водила меня на утреннюю прогулку. Таково мое первое четкое воспоминание».

Даже замечательно четкое, если учесть, что Уинстону тогда было четыре годика...¹⁵ Но мы уже поняли, что это был необычный ребенок. Он не был старше, когда слушал разговоры

¹⁴ Эдуард Марджорибанкс, 2-й барон Твидмут, – видный государственный деятель и лидер Либеральной партии, женился в 1873 г. на леди Фанни Октавии Луизе, дочери Джона Спенсера Черчилля, 7-го герцога Мальборо, и таким образом приходился зятем лорду Рэндолфу Черчиллю и дядей Уинстону Черчиллю. – *Прим. переводчика.*

¹⁵ В действительности – шесть; сын Уинстона Черчилля указал на неточность в мемуарах отца: «Когда папе исполнилось пятьдесят пять, его память была по-прежнему цепкой и точной, хотя и не всегда безупречной. Так, например, она подвела его

о фениях, кампаниях Оливера Кромвеля в Ирландии и конечно же подвигах своего прославленного предка Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. По возвращении из Ирландии он увлекся войной с зулусами, которая тогда была в самом разгаре. Уинстон разглядывал газетные иллюстрации: «Зулусы убивали много наших солдат, но гораздо меньше, чем наши солдаты убивали зулусов, если судить по картинкам». Ему потребовалось еще два года, чтобы научиться читать тексты и понять, что на самом деле все обстояло несколько сложнее¹⁶. Он увлеченно читал рассказы о гибели принца Империи¹⁷ и трагической судьбе Гордона в Хартуме¹⁸, а также о гражданской войне в США и франко-прусской войне 1870 г., которые на тот момент были самыми последними широкомасштабными конфликтами¹⁹...

Само собой разумеется, что маленький Уинстон играл в войну со своими кузенами, как и любой мальчишка его возраста. Но он очень серьезно относился к этой забаве. Уинстон всегда был заводилой. В Бамстеде, поместье родителей, он сколотил из досок настоящую крепость, с воротными башнями и подъемным мостом. В центре была сооружена мощная катапульта, способная посылать на большое расстояние... зеленые яблоки; за неимением зулусов ими обстреливали коров, если те неосмотрительно выходили на линию огня... Уинстон обожал смотреть военные парады, ходить в военно-исторические музеи, посещать крепости или боевые корабли; его письма полны набросков пушек, униформы, кораблей и полей сражений. Но не стоит забывать о главном: годам к пяти он собрал в своей детской впечатляющую коллекцию оловянных солдатиков, которой особенно гордился: «В конечном итоге я собрал около 1500 солдатиков, всех одного размера, всех только британцев, составивших одну пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду». Это если не считать еще нескольких орудий, стрелявших горошинами и камешками по вражеской армии, которой командовал его младший брат Джек. «Это был один из самых грандиозных спектаклей, – вспоминала его двоюродная сестра Клара Фрюен, – и проводился он с чрезвычайной серьезностью, выходившей за рамки обычной детской игры».

Так оно и было, Уинстон Черчилль сам написал: «Оловянные солдатик задали курс всей моей жизни». В один прекрасный день его отец (а нам известно, какое безграничное уважение он внушал мальчику) согласился принять оловянный парад – событие исключительной важности: «Все войска были выстроены в боевом порядке для атаки. С чарующей улыбкой отец минут двадцать опытным глазом изучал эту картину, которая и в самом деле была впечатляющей, после чего он спросил меня, не хотел бы я служить в армии. Я подумал, что было бы чудесно командовать армией, поэтому тотчас согласился, и был немедленно пойман на слове. Многие годы я верил, что отец благодаря своему опыту и интуиции сумел угадать во мне задатки воен-

---

с первым воспоминанием, которое произошло не в 1878 г., когда ему только исполнилось четыре года, а в феврале 1880 г., всего за несколько недель до возвращения из Ирландии». – *Прим. переводчика.*

¹⁶ На первом этапе войны, начавшейся в январе 1879 г., англичане потерпели тяжелые поражения. При Изандлване были полностью уничтожены шесть рот 24-го полка, и британцам пришлось временно отступить на исходные, довоенные позиции; позже у Хлобана англичане были разбиты снова. Потери зулусов в обоих сражениях были существенно меньше. На втором этапе войны ситуация стала обратной. – *Прим. переводчика.*

¹⁷ Наполеон Эжен Луи Жан Жозеф Бонапарт, принц Империи и сын Франции, – единственный ребенок Наполеона III и императрицы Евгении Монтихо. Последний наследник французского престола. Служил в британской армии в чине лейтенанта, добровольцем отправился на войну и был прикомандирован к Главному штабу британской армии в Зулуленде. Убит при проведении рекогносцировки в окрестностях Улунди 1 июня 1879 г., за месяц до окончания войны. На теле двадцатичетырехлетнего принца обнаружили 31 рану от зулусских ассегаяев (копий с широкими наконечниками), его опознали только по шраму на бедре. – *Прим. переводчика.*

¹⁸ Мусульманский лидер Махди объявил в Судане священную войну против неверных. Генерала Чарлза Джорджа Гордона направили в Хартум для эвакуации в Египет живших в Судане европейцев, но генерал был противником сдачи Судана и вместо бегства организовал оборону. Его отряд защищал осажденный город 317 дней, но в ночь с 25 на 26 января 1885 г., за два дня до прибытия подкреплений, Хартум пал. Генерал Гордон был убит на ступенях своего дворца. – *Прим. переводчика.*

¹⁹ Последним широкомасштабным конфликтом на тот момент в действительности была русско-турецкая война 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии, которая едва не переросла в новую войну России и Великобритании, видевшей в усилении русских угрозу Индии, и спровоцировала англо-афганскую войну. Для британца Уинстона Черчилля недавнее поражение Константинополя имело несоизмеримо большее значение, чем падение Парижа девять лет назад. – *Прим. переводчика.*

ного гения, но впоследствии мне рассказали, что он всего лишь посчитал, что я слишком глуп, чтобы стать адвокатом».

Незначительные причины, большие последствия... Но с той поры Уинстон Черчилль поставил перед собой ясную и четко определенную цель, и теперь ей были подчинены все его действия. После завершения первого учебного года в Хэрроу он поступает на специальные курсы при колледже, на которых готовят к экзаменам в военное училище. Это дополнительные занятия, сверх обычной программы, к которой он по-прежнему проявляет ограниченный интерес. Как отметит один из преподавателей: «Он занимался, только когда сам решал поработать, и только теми предметами, которые ему нравились». Военная подготовка, «*the military class*», привлекала тем сильнее, что в программе был сделан упор на изучение истории и английского языка – его любимых дисциплин. Кроме того, Уинстон был членом стрелкового клуба, проводившего занятия по стрельбе и тактические военные учения. «Как-то в день больших маневров, – вспоминал его преподаватель, – он подошел ко мне и попросил назначить его моим адъютантом. Он проявил просто потрясающую энергию». И если футбол Уинстону всегда казался скучным, а велосипед так и не покорился (потом он продал двухколесную машину, чтобы купить бульдога), то его все больше привлекали виды спорта, ценимые в армии: верховая езда, бокс, плавание и фехтование. И вот летом 1889 г. этот тщедушный и болезненный коротышка (1,66 м) выигрывает командные соревнования по плаванию. И что еще удивительнее, в возрасте семнадцати лет он побеждает всех противников на соревнованиях между колледжами по фехтованию, причем большинство соперников намного старше и опытнее его. Родители не потрудились приехать даже на вручение кубка: леди Черчилль отдыхала в Монте-Карло, лорд Черчилль – на скачках... Их сын на это почти не обиделся.

Знания Уинстона в области математики не позволяли надеяться на поступление в Вулвич, где готовили будущих офицеров артиллерии и инженерных войск. Преподаватели советовали остановить выбор на Сандхёрсте, выпускавшем лейтенантов для пехоты и кавалерии. Для зачисления в это училище требовалось пройти предварительный отбор, а затем сдать вступительный экзамен. Через год, в июне 1890 г., Уинстона допустили на первый отборочный тур, который он, ко всеобщему удивлению, успешно прошел, поскольку многие соискатели, даже старше его, провалились самым жалким образом. Правда, ему сильно повезло: в тот год латинский не был включен в обязательную программу, сочинение было задано на тему гражданской войны в США²⁰ (одну из его самых любимых), а карта, что его попросили начертить, была картой Новой Зеландии, которую он по чистой случайности выучил в последний день перед тестом...

Теперь оставалось сдать основной экзамен, а он был существенно сложнее: помимо французского и химии, в список обязательных предметов входили английский, математика и... латынь. В первый раз в жизни Уинстон трудился дни напролет со всем возможным усердием. Г-н Майо, один из лучших преподавателей математики в колледже, даже взялся заниматься с ним дополнительно. Но этого оказалось недостаточно: летом 1892-го семнадцатилетний абитуриент проваливает вступительный экзамен. Через четыре месяца он повторяет попытку, и... снова неудача. Его отец, всегда державший Уинстона за дурачка, заявил, что нисколько не удивлен, но удивиться ему все же пришлось, когда с ним не согласился директор колледжа преподобный Уэллдон. Этот почтенный человек в конце концов сумел понять, что дневники юного Уинстона давали весьма искаженное представление о его истинной ценности, от него не укрылись также изменения в поведении и прилежании бывшего двоечника. Вот почему он написал лорду Рэндолфу, что третья попытка обязательно завершится успехом, только порекомендовал порекомендовать сына лучшему профессиональному «подготовителю» – капитану Уолтеру Х. Джеймсу. После некоторых колебаний (услуги капитана стоили недешево) Рэндолф

²⁰ 1861–1865 гг.

Черчилль ответил согласием, и Уинстон покинул Хэрроу, чтобы отправиться на переподготовку в престижную кузницу будущих бакалавров. «Это была система интенсивного натаскивания, – вспоминал он, – и считалось, что после нее уже было просто невозможно не попасть в армию, если только ты не был имбецилом от рождения».

...Или не погиб, ибо именно этой участи едва избежал Уинстон Черчилль еще прежде, чем сумел воспользоваться услугами капитана Джеймса. Уинстон, которому только что исполнилось восемнадцать, играл в поместье невестки лорда Рэндолафа возле Бурнемута в жандармов и воров [казаки-разбойники] со своими двоюродными братьями. Ускользнув от одного и второго, он оказался в середине пятидесятиметрового моста, перекинутого через глубокий овраг, заросший деревьями. В этот момент он заметил, что преследователи ждут его по обоим концам моста. Чтобы не быть схваченным, он вскочил на парапет и прыгнул на верхушку сосны, надеясь соскользнуть по стволу вниз, но не рассчитал и упал с девятиметровой высоты, оставшись лежать на земле. Уинстон находился в коме трое суток. Помимо других увечий врачи обнаружили у него тяжелую травму поясницы. Однако Черчилли с болезнью не шутили: родители привезли с собой отличного доктора Руза и известного хирурга. Уинстон отделался двумя месяцами постельного режима. Подготовка у капитана Джеймса в равной степени пострадала как от этого происшествия, так и от проснувшегося влечения к политике: едва поправившись, Черчилль живо заинтересовался попыткой своего отца вернуться на олимп власти и ходил на все его выступления в палате общин. Несчастный капитан Джеймс был в отчаянии и уже хотел отступить от непосильной задачи. И был неправ: в июне 1893 г. с третьей попытки Уинстон Черчилль был принят в Сандхёрст – немного труда, много везения и некоторые незаурядные способности...

Вполне могло статься, что Уинстон так никогда бы и не поступил в Сандхёрст, да и вообще куда-либо. В то лето он проводил каникулы в Швейцарии. Прогуливаясь в лодке по озеру Леман, он и его товарищ решили искупаться и скоро обнаружили, что ветер отогнал лодку очень далеко, а до берега было не доплыть. «В тот день, – вспоминал Уинстон Черчилль, – я видел смерть так близко, как никогда». Вот здесь он слукавил: ее он увидит еще ближе, и не раз. Уинстон сумел из последних сил доплыть до лодки и спасти товарища (его еще в Хэрроу знали как прекрасного пловца).

Незадолго до этого приключения он получил поздравления с поступлением в Сандхёрст от всех родственников, за исключением родителей. Письмо, в конце концов полученное от отца, было особенно резким; из-за низких отметок на экзамене Уинстон не мог поступить в пехоту, и ему оставалась более затратная служба в кавалерии, поэтому возмущенный лорд Рэндольф отчитал сына: «Твой эпический подвиг поступления в кавалерию обойдется мне в лишних 200 фунтов в год. Если ты не расстанешься с твоим праздным, бессмысленным и бесполезным образом жизни, который ты вел во все время учебы и в последние месяцы, ты станешь обычным отбросом общества, одним из тех бесчисленных неудачников, что выпускают “*public schools*” [частные школы], и ты погрязнешь в жалком, несчастном и пустом существовании».

Быть может, это проекция? И действительно, портрет очень напоминает самого лорда Рэндолафа в молодости и еще больше того, кем он боялся стать в ближайшем будущем. И потом, в письмах встречаются странные противоречия, позволяющие предположить, что болезнь, мучившая его без малого десять лет, уже серьезно угрожала умственным способностям. Сознал ли это Уинстон? Конечно нет. Он ответил отцу: «Я очень расстроен, что вызвал ваше неудовольствие. Своим трудом и поведением в Сандхёрсте я постараюсь исправить ваше мнение обо мне».

III. Прощание в слезах

1 сентября 1893 г. Уинстон Спенсер Черчилль, преисполненный энтузиазма, переступил порог Королевского Военного училища Сандхёрст. Первые инструкторы его энтузиазма не разделяли, ибо новый курсант норовил оспаривать их приказания, не отличался прилежанием и пунктуальностью и не обладал подходящими физическими данными для марш-бросков с полной выкладкой. Поэтому его сразу зачислили в «золотую роту» – взвод отстающих.

Надолго он там не задержался, поскольку обучение в Сандхёрсте быстро пробудило в нем интерес: никакой математики, греческого, французского и латыни, только пять основных дисциплин – тактика, фортификация, топография, военное право и административное управление. Все это ему очень нравилось. Теория напоминала лекции в Хэрроу, и благодаря великолепной памяти он все усваивал без особых усилий; практика казалась продолжением детских и отроческих игр в войну: рытье траншей, возведение укреплений, установка мин и заграждений, подрыв железнодорожного полотна, строительство мостов или их уничтожение, составление карт местности, разведка и патрулирование – все его бесконечно привлекает. В программе много времени отводилось занятиям по стрельбе из револьвера, винтовки и даже пушки, фехтованию и особенно верховой езде – страсти всей его жизни. Он научится ездить без седла, стремян и поводьев, вольтижировать и брать высокие барьеры. Уже через несколько недель после поступления Уинстон считался одним из лучших наездников в Сандхёрсте, а он еще только развивал свое мастерство.

Как и в Хэрроу, у молодого Уинстона в то же время была масса других занятий: он читает все газеты, следит за перипетиями парламентской жизни, делает крупные ставки на скачках, постоянно пишет отцу с матерью, стараясь вызвать интерес к себе, прилежно посещает мюзикхоллы, выступает с первой публичной речью (в защиту проституции во имя свобод!), часто появляется на светских приемах и вечно оказывается на мели... Как и в Хэрроу, у него множество проблем со здоровьем: ужасные зубные боли, не дающие сомкнуть глаз по ночам, бесконечные бронхиты, осложненные чрезмерным курением, невыносимые мигрени, боли в спине – следствие частых падений с лошади, огромные волдыри, которые порой не дают сесть в седло, надоевшая грыжа и больная печень, якобы испорченная отвратительным питанием в Сандхёрсте, но явно ставшая жертвой злоупотребления алкоголем.

Следует знать все это, чтобы по достоинству оценить результаты юнкера Уинстона Черчилля по итогам первого экзамена в декабре 1893 г.: он в числе лучших, набрав 230 очков из 300 по военной администрации, 276 по военному праву и 278 по тактике... Даже его поведение признано «хорошим», правда, с замечанием «недостаточно пунктуален». От этого недостатка он так и не избавится...

Для Уинстона Черчилля, привыкшего за многие годы к роли двоечника, это окрыляющие результаты. Какими бы спартанскими ни были условия жизни в Сандхёрсте (работа по четырнадцать часов в день; минимум комфорта; отсутствие горячей воды; ужасная, даже по английским меркам, пища), избалованный сын лорда с ними превосходно свыкся, проникся уважением к армейской дисциплине и завел множество друзей. «Тяжелый, но счастливый опыт, – подведет он итог своей учебы годы спустя, пожалев только об одном: при всех своих достоинствах программа Сандхёрста не включала в себя стратегию: – На занятиях нам не позволялось заглядывать за границы поля зрения младшего офицера, но меня иногда приглашали на обеды в школу Генерального штаба, что была от нас всего в миле. Там учились самые блестящие офицеры нашей армии, которых готовили к высшим командным должностям. Вот там оперировали дивизиями, армейскими корпусами и даже целыми армиями».

Уинстон Черчилль всю свою жизнь сожалел, что его не посчитали достаточно способным для изучения стратегии. Это сожаление впоследствии разделяли многие офицеры Гене-

рального штаба Его Королевского Величества, сталкивавшиеся в ходе обеих мировых войн с нахрапистым подходом к вопросам высокой стратегии. Но в те далекие годы у нашего героя были другие приоритеты. Еще в первом триместре в Сандхёрсте его пригласили на обед и торжественный молебен в 4-й гусарский полк Ее Величества Королевы, командиром которого был прославленный ветеран Афганской кампании и старый друг Рэндолфа Черчилля полковник Джон Брэйбазон²¹. Престиж полковника, внимание, лестное для юнкера, отличная выправка гусар, великолепие их формы, очарование кавалерии, превосходный обед (и портвейн...) произвели сильное впечатление на молодого Уинстона. В начале 1894 г. он принимает для себя решение поступить по окончании Сандхёрста в 4-й гусарский полк, заручившись поддержкой самого полковника Брэйбазона. Увы! Рэндолф желал видеть сына пехотным офицером и уже выхлопотал у герцога Кембриджского место в его 60-м стрелковом полку. «Мне прекрасно известно, – писал лорд Рэндолф, – что Брэйбазон один из лучших солдат нашей армии, но ему не следовало сбивать с пути этого мальчишка и предлагать ему поступить в 4-й гусарский». Уинстон был послушным сыном, и все осталось как прежде... на тот момент.

«Став юнкером, – вспоминал Уинстон, – я обрел в глазах отца новый престиж». И, по-видимому, это правда: лорд Рэндолф, находясь в тяжелом финансовом положении, тем не менее распорядился приобрести для Уинстона все книги, которые ему потребуются, а также оплатил дополнительные уроки верховой езды в Кимберли, которые оказались полезнее всего. Почти безропотно он оплатил бесчисленные долги сына и даже снизошел написать ему, дав несколько отцовских советов: «Много не кури, много не пей и ложись спать пораньше». Наконец, он время от времени приглашает Уинстона провести вместе уик-энды в обществе его товарищей по Консервативной партии или приятелей с ипподрома, которым он представляет сына обычно следующими словами: «Он пока еще не бог весть что, но все же славный малый».

От такой формулировки призадуматься. Лорд Рэндолф редко упускал случай принизить своего сына, о чем свидетельствуют суровые письма: «До чего же ты глуп, что не можешь обращаться ко мне “мой дорогой отец” и снова сюсюкаешь “мой милый папочка”». Это кретинизм». Или вот: «То, что ты пишешь, просто глупо. Я верну тебе твое письмо, чтобы ты мог время от времени полюбоваться на твой тяжелый стиль второгодника». Незадолго до этого Рэндолф написал своей матери, герцогине Мальборо: «Я вам уже не раз говорил, что Уинстон никак не может претендовать на ум, знания или какую-либо способность к планомерному труду». Зная это, лучше понимаешь, что стоит за печальной констатацией сына: «Если я осмеливался хотя бы заикнуться, что между нами могли бы установиться партнерские отношения, он немедленно приходил в ярость. И когда однажды я предложил помочь его личному секретарю составить несколько писем, он бросил на меня такой взгляд, что я застыл на месте». Сложно понять почему, но Рэндолф Черчилль продолжал считать своего сына полным кретинном. Однако униформа юнкера Сандхёрста производила большое впечатление в салонах, ее замечали, тогда как самого Рэндолфа – все меньше и меньше, так что он рассчитывал с ее помощью поправить свои дела.

Увы, этого было явно недостаточно, хотя еще год назад многие были убеждены, что лорд Рэндолф триумфально вернется в политику, и у них были для этого все основания: по возвращении из Южной Африки бывший лидер «четвертой партии» и глашатай «демократического торизма», казалось, обрел второе дыхание и со свойственным ему прежде красноречием и пылом обрушился на проект либералов «Гомруль»²². В 1894 г. победа была уже близка: старик Гладстон, признавший свое поражение после провала его проекта ирландской автономии

²¹ Джон Артур Генри Мур-Брэйбазон был в чине подполковника. Он участвовал во второй, победоносной, англо-афганской войне 1878–1880 гг. – *Прим. переводчика*.

²² Гомруль (*англ.* Home Rule, буквально – самоуправление, автономия) – программа автономии Ирландии, предусматривавшая создание ирландского парламента и национальных органов управления при сохранении над Ирландией верховной власти Великобритании.

в палате лордов, подал королеве прошение об отставке. Новым премьер-министром стал лорд Арчибалд Филипп Примроз Розбери, либерал, противник гомруля и один из самых преданных друзей Рэндолфа Черчилля. Но для последнего все было уже слишком поздно. Вот уже несколько месяцев, как его противники, равно как и политические союзники, должны были признать очевидное: лорд Рэндолф не более чем тень прежнего самого себя. Его выступления в палате общин с каждым разом становились все более невразумительными; он терял линию мысли, и под конец его уже посещали галлюцинации, он корчился в судорогах и временами впадал в безумие. Очень немногие знали истинные причины – и его сын еще менее прочих²³, – но абсолютно все не могли не заметить последствий: «И не было ни ширмы, ни ухода в тень, – печально заметил лорд Розбери, – он незаметно умирал, оставаясь на виду у всех».

Именно по этой причине его мать и супруга посчитали необходимым срочно убрать его с политической арены, где он выглядел жалко и только зря растрачивал силы. Врачи, и в первую очередь верный доктор Руз, советовали годик-другой отдохнуть, и Дженни решила отправиться с мужем в длительное кругосветное путешествие. Их сопровождал доктор Кейт, чтобы оградить больного от всяких случайностей. 27 июня 1894 г. троица отправилась в путь. На вокзале их провожали премьер-министр лорд Розбери и, разумеется, дети – Джек и Уинстон, которые были ошеломлены и расстроены его безумным видом, по-прежнему не подозревая, какой недуг гложет их отца.

Путешествие через США, Японию, Гонконг, Сингапур и Бирму стало для четы затянувшимся кошмаром, поскольку состояние лорда Рэндолфа быстро ухудшалось; впадая попеременно то в агрессию, то в прострацию, он явно утратил рассудок. К концу ноября доктору Кейту удалось убедить Дженни прекратить эту пытку и спешно вернуться домой. В то время Уинстон, только что окончивший Сандхёрст с отличием (выпущен двадцатым из ста тридцати), посетил доктора Руза, который приоткрыл ему часть правды о состоянии здоровья его отца. «Я и не представлял себе, – напишет он матери, – насколько тяжело болен отец». Но когда родители вернутся в Лондон в канун Рождества, он будет знать еще больше: доктор Руз признается ему, что его отец обречен. Лорд Рэндолф проживет еще месяц в состоянии невменяемости с краткими периодами просветления сознания и мирно угаснет утром 24 января 1895 г.

Кончина отца разметала в прах все надежды Уинстона: «Так рассеялись все мои мечты установить с ним товарищеские отношения, войти вместе с ним в парламент и поддержать его в борьбе. Мне оставалось лишь продолжить его дело и защищать его память». Именно это он и сделает, написав длинную апологию лорда Рэндолфа, подражая его стилю и поведению и усвоив политические предпочтения и устремления человека, которым восхищался больше, чем кто-либо другой. Вряд ли можно сказать лучше, чем Уильям Манчестер: «Редко встретишь человека, вложившего в сына столь мало внимания и получившего от него подобные посмертные дивиденды преданности». Впрочем, ничто не проходит бесследно, и сыновья скорбь Уинстона скрывала более сложные чувства, которые он сам довольно ясно выразил, признавшись Фрэнку Харрису: «Он меня никогда не слушал. Никакие товарищеские отношения с ним были невозможны, несмотря на все мои усилия. Он был настолько заиклен на самом себе, что никто другой для него просто не существовал». На вопрос Харриса, любил ли он своего отца, Уинстон отвечал: «И как бы я мог? Он обращался со мной как с идиотом, он рычал на меня, стоило мне лишь задать ему вопрос. Я всем обязан матери и ничем – отцу».

Помимо долгов, Рэндолф оставил сыну весьма тревожное наследие: большинство не знало истинных причин его ранней смерти, для детей они также были загадкой. И вот Уинстон заподозрил, что Черчилли обречены умирать молодыми: три брата Рэндолфа умерли во мла-

²³ До 1990-х гг. версии смерти лорда Рэндолфа Черчилля от сифилиса придерживалось большинство историков, и сам Уинстон Черчилль разделял это мнение. Но по результатам продолжительных и тщательных исследований архивных материалов и записей лечащих врачей, проведенных американским доктором Джоном Мазером, было установлено, что наиболее вероятной причиной смерти отца Уинстона была левосторонняя опухоль головного мозга. – *Прим. переводчика.*

денчестве, четвертый, Джордж, маркиз Блэндфордский, скончался в возрасте сорока восьми лет, а сам Рэндолф ушел из жизни в сорок шесть. Не стал ли причиной какой-то наследственный порок? Младший брат Джон, прозванный в семье Джеком, едва не умер при родах, да и у самого Уинстона было хрупкое здоровье. Он заключил, что жить ему на этом свете остается недолго и у него мало времени, чтобы оставить после себя достойную память. Много лет спустя его критики справедливо увидят в нем «молодого торопыгу», но не разберутся в мотивах этой спешки.

«Главное, что теперь я сам был хозяином моей судьбы», – констатировал Уинстон со смешанным чувством горечи и гордости. Его первым решением взрослого человека было освободиться от обязательств перед герцогом Кембриджским, командиром 60-го стрелкового полка, о зачислении в который договорился отец. Правда, месяцев за пять до выпуска Рэндолф написал сыну, что тот должен отказаться от всякой мысли служить в кавалерии, но при том добавил: «В любом случае, пока я жив» – обычная стилистическая фигура для предостережения. В последние дни жизни, в момент временного просветления сознания, он даже прошептал: «Ты уже достал себе лошадей?», что могло косвенно указать на изменение его отношения к карьере сына... Впрочем, как и на полное безразличие к происходящему. Но Уинстон теперь мог рассчитывать на помощь матери: «Она вскоре стала моим горячим сторонником. Мы работали вместе как равные, скорее как брат и сестра, нежели как сын и мать». Без всякого сомнения, сестринские чувства в Дженни были развиты намного сильнее материнского инстинкта... В любом случае, для решения вопроса с 60-м стрелковым хватило простого письма от матери: герцог Кембриджский галантно удовлетворил просьбу очаровательной леди Черчилль, и ее сын был освобожден от всех обязательств. В начале февраля 1895 г. Уинстон Черчилль, произведенный в корнеты²⁴, прибыл для несения службы в 4-й гусарский полк, расквартированный в Альдершоте.

Служба в любимом полку вовсе не была синекурой: молодой офицер ежедневно проводил в седле четыре часа, а то и все восемь; к вечеру все тело ломило так, что нельзя было ступить и шагу. Он также отвечал за подготовку и состояние тридцати человек и тридцати лошадей, участвовал в бесконечных парадах и смотрах, не говоря уже про ежедневные занятия стрельбой из карабина, игру в конное поло и скачки с препятствиями. Впрочем, были и приятные стороны: по утрам денщик приносил завтрак в постель, дважды в день горячая ванна, бесконечные банкеты, где все собутыльники были консерваторами, как и он сам, превосходная закуска, обильная выпивка – хотя полковник Брэйбазон каждый раз интересовался у интенданта, в какой аптеке он покупает шампанское, такая уж у него была привычка. В довершение полковник проникся большой симпатией к сыну своего старого друга Рэндолфа: они сидели за одним столом на праздничных обедах и часто встречались в выходные на приемах и вечеринках.

Жизнь кавалерийского офицера должна была бы прийтись по вкусу Уинстону Черчиллю, но он скоро понял, что у него другие устремления. С одной стороны, жалование корнета в сто двадцать фунтов в год являлось мизерным для потомка герцогов Мальборо, у которых расточительство передавалось по наследству. С другой стороны, он осознал, что какой бы приятной и интересной ни была военная жизнь, она совершенно не оставляла ему времени на чтение и самообразование, обрекая на «состояние умственного застоя». Наконец, стоит вспомнить о его детских мечтах, когда отец спросил, не желает ли он служить в армии: «Я подумал, что было бы чудесно *командовать армией*, поэтому тотчас согласился». Корнет Черчилль подсчитал, сколько времени пройдет, прежде чем младший офицер Ее Величества сможет оказаться во

²⁴ Чин Уинстона Черчилля часто указывают как «младший лейтенант», но правильное использовать звания той исторической эпохи: в пехоте – подпоручик, в кавалерии – корнет. В сочетании с «гусарский» или «уланский» звание «младший лейтенант» звучит просто нелепо. – Прим. переводчика.

главе армии (а мы помним, что он верил, что жить ему оставалось всего ничего). «Чем больше я узнаю жизнь военного, – писал он матери, – тем больше она мне нравится, но и тем больше я убеждаюсь, что мое призвание не в ней». Дело в том, что в Уинстоне Черчилле, достойном сыне своего отца, продолжала жить сильнейшая тяга к политике...

Летом 1895 г. либеральное правительство лорда Розбери оказалось в меньшинстве, и на последующих выборах к власти пришли консерваторы. Никто не был этим удовлетворен более Уинстона, и на большой торжественный банкет в честь нового правительства, устроенный в Девоншир-Хаусе, было просто невозможно не пригласить сына лорда Рэндолфа, уже знакомого с большинством присутствовавших министров. Он подолгу беседовал с ними, любовался их мундирами и завидовал их полномочиям: министр или государственный секретарь мог действовать, отдавать распоряжения, оказывать прямое влияние на ход событий, отстаивать интересы королевства в Европе и во всем мире. Что мог бы противопоставить этому величию младший гусарский офицер? Путь к власти лежал через палату общин, а чтобы занять депутатское кресло, требовалось иметь определенное состояние, каковое имелось у кузена Санни, 9-го герцога Мальборо, за первыми выступлениями которого в парламенте Уинстон следил с завистью и восхищением. «Такая прекрасная игра, как политика, – писал он матери, – стоит того, чтобы потерпеть, пока на руках не окажется хорошая карта и можно будет рвануться вперед». В ожидании козырей оставалось достойно принять временное невезение, тем более что для отважного молодого человека, жаждущего приключений и сражений, служба в кавалерии имела свои плюсы, а 4-й гусарский полк в следующем году должен был отправиться в Индию. Там-то он уж сумеет отличиться, и кто знает, не откроет ли ему военная слава двери в парламент или даже в правительство? Всю жизнь Уинстон Черчилль принимал свои желания за действительность... И редко ошибался.

Для двадцатилетнего Уинстона 1895 г. стал годом траура. Вслед за кончиной отца и бабки по материнской линии Клары Джером тяжело заболевает верная нянюшка Вум. Оставшись без места, она уехала к сестре в Айслингтон, куда Уинстон – долг платежом красен – присылал ей временами немного денег. Узнав о ее болезни, он примчался к ней и срочно вызвал доктора, но было уже слишком поздно: Вум умерла от перитонита на следующий день. Уинстон, организовавший достойные похороны, был сражен и подавлен, ведь для него и брата Джека миссис Эверест была второй матерью, да и первой тоже.

В конце лета офицеры 4-го гусарского получили отпуск на два с половиной месяца. Всякий уважающий себя человек должен был провести их охотясь на лис, но Уинстон, как всегда, оказался на мели и не мог себе этого позволить. Впрочем, у него и так имелись другие планы: во всем полку ни один младший офицер еще ни разу не был в бою, благо со времен Крымской войны прошло уже сорок лет, а с экспедиций в Египет и Афганистан набежало почти десять²⁵. Можно представить себе, каким уважением у товарищей и каким успехом у женщин должны были пользоваться ветераны военных походов. И вот Уинстон, уже лет пятнадцать мечтавший о подвиге, сторал от нетерпения принять боевое крещение. Не это ли основа самой профессии? Увы! Как назло, девятнадцатое столетие завершалось в удручающем спокойствии и мире; во всей бескрайней империи великой королевы Виктории не было ни малейшей подходящей войнишки... По счастью, оставались еще заграничные войны, одна такая как раз разворачивалась в испанской колонии на Кубе²⁶. Прославленный маршал Мартинес Кампос во главе семи-

²⁵ Со времени Крымской войны шанс понюхать пороха выпадал английским офицерам все же чаще, чем полагает автор: англо-иранская война 1856–1857 гг., вторая «опиумная война» в Китае 1856–1860 гг., восстание сипаев в Индии в 1857–1858 гг., участие в Мексиканской экспедиции 1862 г., подавление тайпинского восстания в Китае в 1862 г., англо-абиссинская война 1866–1868 гг., пятая и шестая войны с Ашанти (Ганой) в 1863 и 1873–1874 гг., англо-зулусская война 1878–1879 гг., вторая англо-афганская война 1878–1880 гг., первая Англо-бурская война 1880–1881 гг., англо-египетская война 1882 г., англо-суданская война с Буньоро на стороне Буганды (королевства в Уганде) 1894 г. – *Прим. переводчика.*

²⁶ В 1890–1899 гг. в мире произошел двадцать один военный конфликт. С 1896 г. за оставшиеся до конца столетия четыре года англичанам пришлось воевать еще пять раз. – *Прим. переводчика.*

тысячного корпуса только что отправился на этот остров усмирять повстанцев, которые уже несколько лет вели кровавую партизанскую войну против испанских захватчиков²⁷. Для Черчилля это была отличнейшая возможность отличиться: пока его сослуживцы зря теряют время, гоняясь за млекопитающими из семейства собачьих, он, достойный потомок великого герцога Мальборо, познает искусство войны на поле брани.

Уинстон готовился к своей кампании с образцовой обстоятельностью. Он уже подбил отправиться вместе с ним в это опасное приключение одного из сослуживцев, корнета Реджиналда Барнса; уговорить мать оплатить дорогу до Кубы было лишь чуточку труднее. Предстояло еще убедить испанцев разрешить им въезд, а британские власти – выезд. Вот тут-то и пригодились отцовские связи, благо послом Великобритании в Мадриде был не кто иной, как сэр Генри Драммонд Вольф, видный член «четвертой партии» и старый товарищ лорда Рэндолфа; естественно, что сэр Генри ни в чем не может отказать сыну покойного друга и без промедления отправляется к испанскому министру иностранных дел поговорить об Уинстоне. Вот она, магия отношений на высоком уровне: герцог Тетуанский тут же обещает добыть рекомендательное письмо от военного министра и пишет еще одно от себя лично маршалу Мартинесу Кампосу, который очень кстати оказывается его близким другом. С такими покровителями оба искателя приключений могли рассчитывать на самый радушный прием, тем более что испанские власти были обрадованы интересом к их операциям со стороны британских военных, один из которых был не кем-то там, а потомком того самого Мальборо. Кто знает, не последует ли за этим дипломатический (читай: военный) союз с Лондоном? Именно по этой причине британское начальство двух корнетов проявило гораздо меньше энтузиазма; полковник Брэйбазон посоветовал им обратиться к главнокомандующему лорду Уолсли, который принял их довольно сдержанно: с одной стороны, если пресса преподнесет поездку двух офицеров как официальную миссию, то в парламенте разразится нешуточный скандал; с другой – отказать сыну лорда Рэндолфа было неловко, а вызвать неудовольствие леди Черчилль недостойно джентльмена. Лорд Уолсли, колебавшись, дал свое согласие и направил корнетов к генералу Чапману, начальнику службы военной разведки. Тот выдал им карты местности и поручил собрать сведения военного характера. Учитывая, что конфликты в тот период были редки, любая информация о методах и результатах применения оружия в боевых условиях действительно представляла большую ценность...

Следуя во всем по стопам отца, Уинстон отправился в редакцию газеты «Дейли джиогрэфик», издавшей четыре года назад путевые заметки лорда Рэндолфа про Южную Африку. Уинстон заключает с издателями аналогичный договор: ему заплатят пять гиней за каждое письмо, отправленное с «кубинского фронта». До сего времени он писал лишь любительские статьи для газеты Хэрроу и Сандхёрста, да еще отправил несколько полемических писем для читательской рубрики «Таймс», вот и весь его творческий опыт; ну а в этот раз он уже будет настоящим журналистом по совместительству и сможет сам оплачивать свои расходы.

И вот 2 ноября два приятеля отправляются в Нью-Йорк на борту пакетбота «Лукания». В Соединенных Штатах предполагалось провести всего полтора дня и отбыть на Кубу без проволочек. Но у Дженни в Новом Свете друзей и знакомых было не меньше, чем в Старом, и она снабдила сына адресом полезного человека в Нью-Йорке – видного адвоката Бурка Кокрана, члена Конгресса и... любовника леди Черчилль. Этот милый человек оказался гостеприимнейшим хозяином. Он ввел молодых людей в светское общество Нью-Йорка и показал им все, что их заинтересовало, от броненосного крейсера до военной академии Вест-Пойнт. В результате господа офицеры и не заметили, как пролетело восемь дней. В Гавану они добрались только

²⁷ Так в тексте. В действительности испанцы не могли быть захватчиками для испанских колонистов Кубы (коренное население истреблено за триста лет до этого конфликта). Причиной гражданской войны стало чрезмерное повышение метрополий пошлин на экспорт. – *Прим. переводчика.*

20 ноября. Там их ждали более спартанские условия, но не менее радушный прием: рекомендательные письма из Мадрида произвели большое впечатление, и британских наблюдателей немедленно доставили в Санта-Клару, где расположился штаб маршала Мартинеса Кампоса.

Маршал охотно согласился оказать содействие молодым офицерам: если они желают принять участие в боевых операциях, то могут присоединиться к пехотной колонне генерала Суареса Вальдеса, еще утром выдвинувшейся в направлении Санкти-Спиритуса, что в шестидесяти километрах к югу. Чтобы не глотать пыль на марше, с колонной решили встретиться уже в пункте назначения. К месту предстоящих боев добирались сначала на поезде до Сьенфуэго-госа на южном побережье, затем морем до Туны и потом снова поездом на север до Санкти-Спиритуса – всего двести пятьдесят километров и три дня пути. На четвертый день должны были подойти четыре батальона генерала Суареса. Все прошло по плану, и в назначенный день генерал любезно принял корнетов Черчилля и Барнса, в которых (как и его начальство) видел знак моральной поддержки со стороны Великобритании испанской операции по умиротворению острова. Генерал был только рад, что английские офицеры пожелали присоединиться к его колонне. На следующий день отряд выдвинулся к укрепленной деревне Арройо Бланко на северо-востоке.

Последующие десять дней прошли в переходах, марш-бросках, засадах и перестрелках в дебрях влажных и враждебных джунглей Матанзаса. Тяжелая жизнь, полная опасностей и приключений, которой Черчилль, по собственному признанию, был просто очарован. Его желание оказаться под пулями исполнилось быстро и даже сторицей: пули порой пролетали в каких-то миллиметрах от головы²⁸. Удивляясь каждый раз, что остался жив, казалось бы, в безвыходной ситуации, Уинстон объяснял свое везение тем, что партизаны стреляли плохо, а удирали быстро; испанские солдаты, напротив, казались ему хорошо подготовленными, а их отвага и выносливость были выше всяких похвал. Испанские офицеры не ложились даже под самым плотным огнем противника, считая для себя недостойным прятаться в укрытиях; Уинстон считал себя обязанным последовать их примеру, чтобы не уронить чести. Перенесенные вместе опасности сплотили британцев и их гостеприимных хозяев, установив между ними отношения братства по оружию; между перестрелками, на марше и привалах они на ломаном французском обменивались взглядами на вооружение, тактику и политику. Уинстон вынес из кубинской экспедиции много ценных сведений, любовь к сигарам и ронкотелю – ромовому коктейлю. Генерал Вальдес удостоил обоих своих гостей ордена Красного Креста – дипломатический шаг, но вместе с тем и знак признания бесспорной личной храбрости британцев.

Однако корнет Черчилль отправился на Кубу еще и в качестве репортера, и в этом качестве оказался в щекотливой ситуации: если он встанет на сторону повстанцев, обидит новых друзей, оплатив им черной неблагодарностью, а если поддержит испанцев, то поставит в затруднительное положение британское правительство, вызвав возмущение американских и английских читателей, которые в большинстве своем симпатизировали мятежникам. Решив эту дилемму, Черчилль проявил удивительные для своего возраста объективность, практицизм, стратегическое мышление и политическое чутье. И что же он в итоге поведал в своих пяти «письмах с фронта», напечатанных «Дейли джюгрэфик» в декабре и январе под заголовком «Восстание на Кубе»? Если испанцы мастера скрывать правду, то кубинские повстанцы горазды выдумывать небылицы; партизан поддерживает население, они очень мобильны и превосходно информированы обо всех передвижениях врага, но это недисциплинированные и нестойкие бойцы, бахвалы и скверные стрелки, неспособные взять хотя бы один город, имеющий какое-то значение. Испанские солдаты храбры, дисциплинированы и выносливы; их

²⁸ Свой 21-й день рождения Уинстон отмечал в испанской маршевой роте в кубинских джунглях. В разгар устроенной по такому случаю небольшой пирушки кубинская пуля выбила кусочек цыпленка прямо из руки именинника. – *Прим. переводчика.*

офицеры великолепно обучены и отважны, но островная администрация чрезвычайно коррумпирована на всех уровнях; операции в джунглях столь же дороги, сколь и неэффективны, поскольку ведутся против противника, умело использующего местность и способного нанести неожиданный удар и выйти из боя, когда пожелает. При таком положении дел война может затянуться и истощить скудные ресурсы Испании. Надо ли в таком случае желать победы восставшим? Конечно нет: они могут только разрушать, но не умеют управлять, и только переделаются между собой, окончательно разорив страну. В завершение Черчилль предложил компромиссное решение проблемы, довольно размытое, но в целом весьма напоминавшее план ограниченной автономии. Все это было написано легким языком, с большим юмором, определенной зрелостью взглядов и некоторым предвидением будущего. В свои неполные двадцать два этот корнет осознал то, что французы и американцы поймут только три четверти века спустя: в партизанской войне в заморской колонии победить решительно настроенного противника сугубо военными средствами невозможно, какими бы мощными они ни были...

По возвращении в Англию в конце декабря Черчилль узнал, что его статьи были благосклонно приняты публикой и что британские журналисты приветствовали, не без доли ехидства, появление нового собрата, который, по-видимому, владел пером не хуже, чем саблей. «Провести каникулы, сражаясь на чужой войне, – ворчали в “Ньюкасл лидер” от 7 декабря 1895 г., – это слишком даже для Черчилля». Уинстон вернулся в полк, готовившийся передислоцироваться в Индию к осени 1896 г., и к своим любимым занятиям: поло, скачкам, политике и светским раутам. На приемах у лорда Ротшильда, в салонах своей тетки герцогини Лили, богатой американки миссис Адер или леди Черчилль он встречается и заводит знакомства с главными фигурами в правительстве, финансах и армии: лордом Гарнетом Джозефом Уолсли, сэром Фрэнсисом Джёном, Джозефом Чемберленом, Гербертом-Генри Асквитом, Бальфуrom, лордом Джеймсом, герцогом Devonширским, лордом Ландсдауном, полковником Брэйбазоном, лордом Бересфордом, генералом сэром Биндоном Бладом, не говоря уже о самом принце Уэльском – широкий круг высокопоставленных лиц, которые позже будут рады ему услужить в память об отце... или о матери.

Но в тот момент они ничем не могли помочь в его новом замысле: корнет Черчилль, начав осознавать все мрачные перспективы девятилетнего изгнания в Индии вдали от английской политики и полей сражений, вбил себе в голову, что ему надо уйти из полка и проявить себя в бою где-нибудь на Крите, в Южной Африке или Судане, не важно, где именно. Он обратился к матери, но на этот раз не помогли даже ее обширные связи. 4 августа 1896 г., всего за месяц до отправки 4-го гусарского полка в Бомбей, Уинстон посылает матери письмо, в котором раскрывает свои честолюбивые планы: «Несколько месяцев в Южной Африке могли бы принести мне медаль и, по всей вероятности, ротный отличительный знак. Оттуда я галопом помчусь в Египет, откуда через год-два вернусь еще с парой наград и смогу сменить саблю на портфель». Министерский портфель? Уже? Рассеянный и вечно спешащий Уинстон даже проскочил депутатский период! Он продолжает: «Я не могу поверить, чтобы при стольких влиятельных друзьях, коими вы располагаете, и всех тех, кто готов сделать что-либо для меня в память об отце, это было бы для меня невозможно». И все же оказалось, что никто не горел желанием видеть Уинстона Черчилля в Южной Африке или Египте, и все высокие чины, к которым обращалась леди Черчилль, посчитали более правильным, чтобы молодой корнет проявил дисциплинированность и последовал за своим полком. Жребий был брошен: 11 сентября 1896 г. Уинстон Черчилль поднялся на борт парохода «Британия», следовавшего в Индию...

IV. Пером и шпагой

Ступив на индийскую землю в начале октября 1896 г., Уинстон Черчилль все еще считал, что прибыл к месту своей ссылки, и его первые впечатления только подкрепляли эту уверенность. При выгрузке на бомбейский причал вечно торопящийся Уинстон схватился за стальное кольцо, врезанное в гранит набережной, в тот самый момент, когда шлюпка стала опускаться вниз на откатывающейся волне; в результате он вывихнул правое плечо, и полученная травма мешала ему потом всю жизнь. И это было только начало. Ужасающая жара Южной Индии, раскаленный и пыльный Бомбей, мир и спокойствие, царящие на всем субконтиненте, произвели на нетерпеливого молодого офицера самое удручающее впечатление.

Впрочем, были и приятные сюрпризы. Когда 4-й гусарский добрался два дня спустя до своих новых казарм в Бангалоре, Уинстон обнаружил, что местечко больше похоже на курорт, чем на гарнизонный городок: буйная растительность, ночная прохлада и величественные бунгало с колоннами для господ офицеров Ее Величества... Ему и двум его лучшим друзьям, Реджиналду Барнсу и Хьюго Бейрингу, досталось самое роскошное из них. На жизнь было грех жаловаться: на свое мизерное жалованье Уинстон держал лакея, метрдотеля, сторожа, дворника, трех носильщиков, двух садовников, четырех прачек и шесть опашальщиков! Со службой тоже все обстояло благополучно: он отвечал за выправку и действия на маневрах тридцати пяти солдат, причем уход за лошадьми, занятия по стрельбе и тактической подготовке всегда были для него не утомительной обязанностью, а настоящим удовольствием. Впрочем, распорядок дня исключал саму возможность переутомления: построение в шесть часов утра, полтора часа в седле на учениях, помывка, завтрак, час на конюшне и... свободное время до 16:30. Уинстон тратил его на чтение, коллекционирование бабочек и разведение роз...

В 16:30 наступало время поло, так как Черчилль с восторгом узнал, что именно эта игра была главным и самым серьезным занятием офицеров гарнизона. Еще со времен обучения в Сандхёрсте и Альдершоте он был предрасположен к этому спорту. Всего через месяц после прибытия 4-го гусарского в Бангалор его команда приняла участие в турнире Хидерабада, играя против 19-го гусарского и нескольких туземных полков. Ко всеобщему удивлению, кубок достался новичкам из 4-го, выигравшим у титулованных чемпионов. Корнет Черчилль, с привязанной к корпусу правой рукой, чтобы плечо снова не вышло из сустава, сыграл в этой победе решающую роль, заслужив уважение однополчан. К тому же именно на этом турнире Уинстон был представлен мисс Памеле Плоуден, сразу внушившей ему столь же пылкие, сколь и платонические чувства.

Превосходный дом, отличные товарищи, спорт, досуг, лошади, бабочки, прекрасная девушка и розы... Чего же еще желать? Но Уинстон был недоволен, находя свою жизнь здесь глупой, пресной и неинтересной: политики нет, войны нет, с влиятельными людьми не познакомиться – чистилище, да и только! Как всегда, Уинстон сгущал краски: прямо в день приезда в Индию он был приглашен на обед к барону Сандхёрсту, губернатору Бомбея, и в последующие месяцы был принят секретарем по внутренним делам индийского правительства, командующим Северного военного округа, верховным судьей Бенгала и рядом других заметных фигур, что для младшего офицера уже очень неплохо. Но этот молодой торопыга был уверен, что не делает в Индии ничего, что могло бы реально способствовать его карьере, и продолжал настойчиво – но по-прежнему безуспешно – добиваться перевода в действующую армию. В конечном итоге ему пришлось скрепя сердце смириться с «совершенно растительной» гарнизонной жизнью, убеждая самого себя, что многим овощам достались грядки похуже.

Однако бездействие Черчиллю было чуждо, и вынужденный отдых в раскаленные дневные часы Бангалора он использовал на самообразование, начатое в Лондоне еще в прошлом году. Из одной лишь тяги к культуре? Не совсем. Из-за школьных отметок лорд Рэндолф всегда

его держал за невежду, чем Уинстон был глубоко уязвлен. Дабы наверстать упущенное время, он за семь месяцев прочитал восемь томов «Заката и падения Римской империи» Эдварда Гиббона (кто-то сказал ему, что его отец лестно отзывался о достоинствах этого труда), затем четыре тома «Эссе»²⁹ и восемь томов «Истории Англии»³⁰ Томаса Бабингтона Маколея, «Республику» Платона, «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, «Опыт о законе народонаселения, или Изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода» Томаса Роберта Мальтуса, «Две основные проблемы этики» Артура Шопенгауэра, «Происхождение видов путем естественного отбора» Чарльза Дарвина и... тридцать томов «Ежегодного реестра» – хроники событий британской политической и парламентской жизни, происшедших за год. Если наш самоучка читал сразу три-четыре тома разных авторов, то это отнюдь не говорит о поверхностном изучении: все книги испещрены пометками, и Черчилль даже полвека спустя все еще мог процитировать на память целые страницы! Не совершал ли он эти подвиги на книжной ниве, чтобы заслужить хотя бы посмертное уважение отца? Разумеется, нет. Книги выбирались не случайно – история, политика, экономика, развитие конституционализма, парламентские реестры: Черчилль ковал себе оружие, которым однажды сумел бы проложить себе дорогу на британский политический олимп и занять там достойное место для будущей парламентской борьбы. Посещая в Лондоне министров, государственных секретарей, депутатов и лордов, он понял, какое значение имеют эрудиция и знания в области экономики, политики, истории и даже философии. Литература же была менее полезна, именно по этой причине Уинстон не прочитал за семь месяцев ни одного романа.

Примерно в этот период адъютант командующего британским корпусом в Мадрасе артиллерийский капитан Фрэнсис Бингэм, возвращаясь с охоты, повстречал молодого кавалерийского офицера, и пока они скакали рядом, юноша поведал, что не намерен оставаться в армии вечно и что однажды он войдет в парламент и станет... премьер-министром. Капитан Бингэм не запомнил имя своего попутчика, но отметил, что тот курил сигару... То, что человек, с детских лет подавляемый и презираемый собственным отцом, мог быть столь уверен в себе и своем предназначении, убедительно доказывает, что психология не входит в число точных наук.

Весной 1897 г. офицерам 4-го гусарского предоставили «накопившийся» четырехмесячный отпуск в Англии. Многие отказались, благо полк едва успел расположиться на новом месте. Но Черчилль с радостью согласился и 8-го мая отбыл на родину на борту парохода «Ганг», чтобы «насладиться увеселениями лондонского сезона». Он сошел на берег как раз вовремя, чтобы успеть на костюмированный бал в Девоншир-Хаусе, но у молодого корнета, не любившего танцев, были другие планы, вернее, все те же: оказаться на войне офицером или журналистом или войти в парламент. Для реализации первого он мог воспользоваться обширнейшей сетью знакомств своей матушки, а второй ему мог бы помочь осуществить дальний родственник Фиц Рой Стюарт – секретарь ЦК Консервативной партии. Увы! Надежды на военную кампанию рухнули с окончанием греко-турецкого конфликта на Крите³¹, а мысли о политике пришлось оставить после того, как кузен Рой подтвердил, что свободных мест нет и само депутатство требует солидного личного капитала...

Но Уинстона утешало, что он сможет обратиться к членам «Лиги первоцвета» Бата на съезде 26-го июля. Сын Рэндолфа Черчилля мог рассчитывать на благосклонный прием в таких кругах, но никто – даже он сам – не ожидал, что первое же его политическое выступление прой-

²⁹ «Critical and historical essays» изданы в 1843 г. и переизданы в год смерти автора, в 1859 г. – *Прим. редактора.*

³⁰ Первые два тома «Истории Англии» изданы в 1848 г., третий и четвертый – в 1855 г., пятый (незаконченный) – в 1861 г. В восьми томах сестрой Маколея собраны все его сочинения. – *Прим. редактора.*

³¹ 5 апреля 1897 г. Крит был оккупирован войсками Австро-Венгрии, России, Франции, Италии, Германии и Великобритании, а греко-турецкая война официально закончилась 20 декабря 1897 г. – *Прим. переводчика.*

дет с таким успехом. Его тщательнейшим образом подготовленная и вызубренная наизусть речь и в самом деле была шедевром красноречия – звенящий призыв к сплочению вокруг консервативных ценностей и цивилизаторской миссии империи, выраженный взвешенными и литыми формулировками, пронизанный аллитерациями и метафорами. Маколей с Гиббоном выглядели из каждой фразы, но если саркастические выпады против либералов были совершенно в стиле Рэндолфа Черчилля, то добродушные насмешки над ура-патриотизмом были уже чисто уинстоновскими. Это был поразительный успех, вызвавший одобрение политиков и изумление у журналистов...

Но наш оратор даже не успел насладиться своим триумфом, ибо на следующий день до него дошли сенсационные новости из Индии: на северо-западной границе, в «буферной зоне», восстали пуштуны, и в Лондоне решено направить туда экспедиционный корпус из трех бригад под командованием генерала сэра Биндона Блада – того самого генерала, друга отца, что год назад на светском приеме обещал взять Уинстона к себе в первую же кампанию. Спустя 48 часов, отстучав генералу телеграмму с напоминанием об обещании, Уинстон уже садился на пароход в Индию. Он так спешил, что забыл ящик с книгами, свою собаку и клюшки для поло! Ответ генерала застал его уже в Бомбее: на данный момент вакансий нет, но Уинстон может присоединиться как военный корреспондент и получит назначение, как только появится свободная должность... Ясное дело, что должность могла появиться, только если будет убит один из офицеров, а такую возможность на войне исключать нельзя.

Это сообщение вызвало бурную деятельность: Уинстон мчится в Бангалор (два дня пути в южном направлении), чтобы вырвать у начальства отпуск сроком на месяц; шлет телеграмму матери с просьбой добыть для него контракт с какой-либо британской газетой и тут же сам почти случайно становится корреспондентом индийской газеты «Дейли пайонир», вечером 28 августа отправляется на вокзал, откуда ему предстоит преодолеть три тысячи двести сорок пять километров до северо-западной границы. Уинстон берет с собой в дорогу пони, чтобы иметь возможность самостоятельно продолжить путь, если железнодорожное сообщение будет прервано. Во время пятидневного путешествия он напишет матери: «Тщательно все взвесив, я полагаю, что служба в британской армии в молодые годы придаст мне больший политический вес [...] и, возможно, повысит мои шансы завоевать популярность в стране. [...] И кроме того, при моем бесстрашном характере предстоящие опасности меня только развлекут, а не отвлекут». Весь человек проявился в этих нескольких строках...

На шестой день утром корнет Черчилль прибыл в распоряжение штаба экспедиционного корпуса в малакандском выступе. Генерал Биндон Блад уже отразил атаки пуштунов на Малаканд, деблокировал форт Чакдары, и его уланы изгнали повстанцев за пределы долины Сват. Но после успешной обороны имперская традиция требовала провести усмирение – карательные экспедиции против племен, участвовавших в восстании. Блад успел подавить пуштунов долины Бунер на востоке и теперь двигался на запад, где жили моманды. Последние имели наглость напасть на его 2-ю бригаду, и Блад приказал ее командиру генералу Джеффри войти в долину Мамунд и разрушить там все аулы, уничтожить посеы и засыпать колодцы. Военному корреспонденту Черчиллю была оказана великая честь сопровождать карателей. Не заставляя себя упрашивать, Уинстон присоединился к бенгальским уланам, приданным бригаде Джеффри для усиления.

Утром 16 сентября 2-я бригада, насчитывавшая тысячу триста сабель, вошла в Мамундскую долину и развернулась веером. Джеффри, похоже, не слышал про неприятность, приключившуюся лет двадцать назад с генералом Кастером при Литтл-Бигхорн³², и распылил свои

³² В битве с союзом индейцев сиу и шайенов у реки Литтл-Бигхорн 25–26 июня 1876 г. генерал Джордж Кастер разделил свой 7-й кавалерийский полк на три части, позволив атаковать их по отдельности, что закончилось разгромом полка и гибелью самого Кастера. – *Прим. переводчика.*

силы перед лицом противника, имевшего огромное численное превосходство. И вот две роты сикхов при пяти офицерах, включая Черчилля, были окружены тремя сотнями момундов, вооруженных до зубов. В ходе тяжелого отступления многие были убиты и ранены, а одного английского офицера, попавшего в плен, разрубили на куски, но Черчилль, прикрывавший отход и эвакуацию раненых, вышел из переделки живым и невредимым, хотя находился под плотным огнем на открытой местности тринадцать часов! Все это произвело сильное впечатление на его боевых товарищей, и сам генерал Джеффри отметил в рапорте «решительность и отвагу лейтенанта Черчилля из 4-го гусарского, корреспондента газеты “Пайонир” при экспедиционном корпусе, который оказался весьма полезен в трудную минуту».

Это почти литота³³, но Уинстон еще не раз окажется полезным – 18 сентября у Домодоло, 23-го в Загре и особенно 30-го у Агры. Каждый раз он выезжал рано утром с разведчиками и возвращался поздно вечером с арьергардом, и бывало, что во время перестрелки скакал вдоль вражеской шеренги на линии огня³⁴. Все это не могло не впечатлить товарищей и не ободрить солдат, и именно на это рассчитывал Черчилль, лелея мечты о новой медали в дополнение к кубинской, полученной с щедрой руки генерала Суареса Вальдеса. Герой должен презирать опасность, но Черчилль ее не презирал, он *любил* опасность... и, несмотря на то, что пуштуны стреляли не в пример лучше кубинских повстанцев, выходил без единой царапины из самых жарких схваток.

Генерал Блад хотел назначить Уинстона своим адъютантом, но в Ставке главнокомандующего англо-индийской армией в Симле решили иначе, и гусар должен был вернуться в Бангалор. Блад попытался парировать это требование необходимостями службы, благо после тяжелых боев у Агры 30 сентября в пенджабском пехотном полку в строю не осталось ни одного офицера. Интересы дела прежде всего, и корнет Черчилль впервые принял командование воинской частью в боевых условиях. Он не был пехотным офицером, не знал ни слова по-пенджабски, его уже несколько дней трясла лихорадка, но генерал Блад был вынужден признать, что Черчилль «выполняет работу двоих офицеров», и даже ожидал, что Черчилля наградят Крестом королевы Виктории (Victoria Cross) или орденом «За боевые заслуги» (Distinguished Service Order)...

Это было желанной мечтой нашего героя, но он не получит ничего, кроме отзыва в свою часть; Верховное командование в Симле проявило неожиданную оперативность, спешно пригласив офицера для его замены. Почему же высокие военные чины так настойчиво и неумолимо вставали на пути у простого корнета? Да потому, что корнет был еще и корреспондентом «Дейли пайонир» и, стараниями матери, «Дейли телеграф», и как только в начале октября на страницах последней вышли его первые заметки, стало ясно, что они очень не понравились наверху. Ведь Уинстон копал глубоко, язык имел острый и на выводы был скор, и весь тот сор, который не хотели выносить из избы, был выставлен на обозрение читателям. К его сожалению, статьи были опубликованы анонимно за подписью «от молодого офицера», но было нетрудно установить, что те же статьи выходили в «Дейли пайонир» под его настоящим именем. Когда какой-нибудь отставной генерал критикует политику правительства или стратегию Генерального штаба, это еще куда ни шло, но когда то же самое позволяет себе двадцатитрехлетний сопляк-корнет (да еще и не без таланта), то это уже ни в какие ворота... В середине октября с тоской в душе Уинстон Черчилль должен был вернуться в Бангалор.

Там его ждал отнюдь не ад, особенно после того, что ему довелось пережить. Роскошное бунгало, восторженные товарищи (он же теперь был настоящий ветеран), лошади, розы, бабочки, мисс Памела Плауден, команда поло – все, что могло бы сделать жизнь приятной...

³³ Литота – художественный прием преуменьшения, противоположен гиперболе.

³⁴ «Однажды, – вспоминал Черчилль, – я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие. Может быть, это глупо, но ставки в моей игре велики, тем более, когда у тебя есть зрители, дерзости нет предела. Ведь, ясное дело, когда на тебя никто не смотрит, то и проявлять чудеса храбрости совсем ни к чему».

любому другому, но не Уинстону Спенсеру Черчиллю, ибо неугомонный корнет думал лишь о том, как бы ему поскорее возвратиться на поле сражения. В Малакандском секторе мир был восстановлен, но в Тире, к юго-востоку от Пешавара, вспыхнуло другое восстание. На этот раз против британской короны поднялись суровые африды, усмирять которых отправили две дивизии генерала Уильяма Стивена Александра Локхарта. Уинстон немедленно начинает интриговать, добиваясь разрешения на участие в экспедиции; снова обращается к матери, которая пускает в ход весь свой арсенал: письма, аудиенции, приемы... Военный министр, государственный секретарь по делам колоний, маршал лорд Фредерик Слей Робертс, Его Королевское Высочество – никто не забыт, но ничто не помогло. Однако Черчилль не желает признать свое поражение: на Рождество ему предоставлен отпуск на десять дней. Три дня на дорогу до Калькутты³⁵ и три дня на обратный путь, итого остается 60 часов, чтобы убедить правительство вице-короля и главнокомандующего. Наш отважный гусар не колеблется ни минуты, и вот он уже в поезде. В Калькутте его очень тепло приняли и вице-король лорд Джеймс Брюс Элджин, и главнокомандующий сэр Джордж Уайт, и офицеры штаба, но его просьба была категорически отклонена.

Вернувшись в Бангалор, Уинстон с завистью следит за ходом кровавых боев в Тире. Впрочем, он находит себе другое занятие: узнав, что его статьи в «Дейли телеграф» были неплохо приняты читателями, Уинстон решает написать историю Малакандской экспедиции. Это уже не просто репортаж; он переписывается со всеми офицерами, участвовавшими в кампании, собирая материал, изучает множество документов и подолгу пишет в своем бунгало в часы сиесты. Даже в ущерб поло, так как стало известно, что историю Малакандской экспедиции пишет еще один человек – лорд Финкасл, адъютант генерала Блада. Эта, в общем-то, второстепенная кампания не заслуживала двух книг, и Уинстон решил ускорить темп и издать свой труд первым. Ради саморекламы в Англии? Разумеется, но еще и потому, что по своему обыкновению был на мели и погряз в долгах. «Эти грязные денежные вопросы – проклятие всей моей жизни, – писал он матери. – Мы кончим полным разорением». И действительно, леди Черчилль, и без того еще большая мотовка, чем сын, стала жертвой мошенника. Так почему бы Уинстону не начать зарабатывать на жизнь пером? Он рассчитывал, что книга «История Малакандского полевого корпуса» принесет ему по меньшей мере фунтов триста (в сегодняшних фунтах эта сумма равнялась бы двенадцати тысячам).

Спустя пять недель напряженного труда в знойные полуденные часы Бангалора задача была выполнена. Большая часть времени ушла на полировку и шлифовку стиля этого опуса, в котором в равной степени угадываются Бурке с Дизраэли и Гиббон с Маколеем (чтение пошло Уинстону на пользу). На каждой странице восхвалялось величие солдат Ее Величества, но при этом красноречиво раскрывалась никчемность поставленной перед ними задачи. Рукопись Уинстон отправил матери, поручив ей подыскать издателя; леди Черчилль обратилась к литературному агенту, и тот в течение одной недели сумел договориться с издательством Лонгмана.

Естественно, что писательский зуд не мог исключить поло полностью. В конце февраля 1898 г. Черчилль и его команда отправились в Мерут на межполковой чемпионат. Но на этот раз поло не слишком занимало Черчилля: его внимание привлекло то обстоятельство, что Мерут находится в двух тысячах двухстах сорока километрах к северу от Бангалора, то есть всего в девятистах шестидесяти километрах от Пешавара – передовой базы экспедиции в Тире. К тому же он только что получил письмо от генерала Яна Гамильтона, с которым подружился в мае 1897 г. на борту «Ганджеса» (у Черчилля был врожденный дар заводить полезных и на удивление преданных друзей). Гамильтон, командовавший 3-й бригадой экспедиционного корпуса в Тире, описал ему недавние бои и дал несколько советов, как добиться перевода на театр военных действий... Оказавшись так близко от цели, Уинстон не мог устоять и вместо

³⁵ Современная Колката. – Прим. редактора.

того, чтобы вернуться с командой в Бангалор, сел на поезд в Пешавар и заявился в Ставку главнокомандующего, генерала сэра Уильяма Локхарта. Благодаря своему дару убеждения и помощи капитана Халдейна, правой руки генерала, он был на месте назначен сверхштатным офицером-порученцем при главнокомандующем... Калькутте и Бангалору оставалось только смириться со свершившимся фактом.

Черчилль считал уже, что дело сделано: у него прекрасные отношения со всеми офицерами штаба и он будет в первых рядах, когда начнется весеннее наступление на Тир. А там – долгожданные медали, слава и все вытекающие бенефиты. Увы! Воины Тира предпочли войне с британскими уланами переговоры с британскими политиками, и все надежды корнета Черчилля на воинскую славу растаяли как дым. Писателя Черчилля также ждало разочарование: в конце марта ему доставили копию гранок его книги «История Малакандского полевого корпуса», которая уже ушла в набор. Стремясь любой ценой опередить соперника, Уинстон поручил корректуру своему дяде Мортону Фрюену. Добрый дядюшка пропустил сотни две опечаток и иных типографских огрехов, зато от души внес в текст массу неуместных поправок, нарушивших ритм и самобытность изложения, а пунктуация превратилась в сплошной кошмар. Было уже слишком поздно что-либо исправить, и книга в таком виде была издана в Лондоне. В общем, полное поражение, настоящее Ватерлоо. Писательская слава решительно не желала приходить прежде славы военной...

Подумать, что Уинстона Спенсера Черчилля могла остановить подобная неудача, значило бы его совершенно не знать. Он не прекращал поисков подходящей войны и обратил свой взор на Судан, где во главе двадцатитысячного англо-египетского корпуса генерал Герберт Китченер медленно продвигался к столице дервишей Хартуму. И, благо жизнь есть не более чем череда бесконечных повторений, Уинстон снова задействовал весь свой привычный арсенал – тактику, сообразительность, натиск, настойчивость и знакомства матери. Его эфемерное участие в тирской кампании было вознаграждено трехмесячным отпуском, и он решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы схватить удачу за хвост. 18 июня 1898 г. Уинстон отбыл из Бомбея в Англию.

Вернувшись в Лондон 2 июля, он бросил в бой все свои «войска». Леди Черчилль, знакомая с лордом Китченером лично, написала ему одно из самых убедительных писем и пригласила на обед всех видных деятелей политики и армии, чтобы поставить их под знамена Уинстона. Поклонником ее подруги леди Джен, жены одного очень известного судьи, был не кто иной, как сам сэр Эвелин Вуд, начальник Генерального штаба, и тот обещал сделать все возможное и даже лично написал Китченеру. Уинстон также попросил тетю Леонию обеспечить ему поддержку всех «известных ей ручных генералов», и это позволяет предположить, что ей удалось приручить нескольких. Просьбы о помощи получили и бравый полковник Брэйбазон, всегда готовый поддержать товарища, и даже генерал Биндон Блад. Наконец, леди Черчилль задействовала артиллерию главного калибра – Его Королевское Высочество, с согласия которого Китченеру отправили телеграмму: «Особа желает, чтобы Вы приняли Черчилля».

Подвергнутый такой бомбардировке, лорд Китченер с трудом удерживал свои позиции, но продолжал окапываться. Сирдар прочитал книгу о кампании в Малаканде и был шокирован тем, что двадцатитрехлетний офицерик позволил себе осуждать свое начальство, да еще и по случаю всю имперскую политику правительства Ее Величества. Пусти только этого желторотого щелкопера на берега Нила, он не преминет взяться за старое, чего следовало не допустить любой ценой. Лорд Китченер вежливо, но твердо отвечал высочайшим корреспондентам: к сожалению, вакансий для Уинстона Черчилля в его армии нет. Позже все может быть, а пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.